

Санкт-Петербургский государственный университет

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНФЛИКТОЛОГИЯ:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА.
ДИАЛОГ КАК СПОСОБ ПОДДЕРЖАНИЯ МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ**

Материалы ежегодной студенческой научно-практической конференции

Санкт-Петербург
14 апреля 2022 года

УДК 316.48
ББК 60.5+66.3 (2Рос)1+ 87,65
К 65

Редакционная коллегия

канд. соц. наук, доц. *Д.А. Абгаджва* (ред.);
канд. полит. наук, доц. *А.Г. Пинкевич* (ред.)

Рецензент

канд. полит. наук, доц. А.Н. Сунами

Политическая конфликтология: теория и практика. Диалог как способ поддержания мира и безопасности.: Материалы ежегодной студенческой научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 14 апреля 2022 г. — СПб.: СПб ГБУ ДМ «ФОРПОСТ», 2022. — 54 с.

Сборник включает избранные тезисы докладов участников ежегодной студенческой научно-практической конференции (14 апреля 2022 г., Санкт-Петербург), посвященных различным проблемам современной конфликтологии.

Часть материалов публикуется в авторской редакции.

© Авторы, 2022
© ДМ «ФОРПОСТ», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Артемьева Д. В.</i> Политический диалог в XXI веке: эволюция культурной дипломатии	4
<i>Астафьева Е. А.</i> Эмоциональная составляющая как одна из главных особенностей этнических и этнополитических конфликтов	7
<i>Данилова А. И.</i> КНР и Тайвань: сепаратизм или самоопределение?	10
<i>Козьмин Д. А.</i> Региональные конфликты как фактор ротации губернаторского корпуса РФ	13
<i>Кумашов Д. Ж.</i> Регулирование вопроса функционирования русского языка в Кыргызской Республике как политико-правовая проблема	17
<i>Леонтьев С. А.</i> Неизбежно ли насилие в политических конфликтах современности?	20
<i>Макеева М. С.</i> Конфликтология как средство сохранения культуры и народов мира	22
<i>Морева Ю. Е.</i> Психологические факторы политического протеста	25
<i>Носов В.А.</i> Культурные детерминанты политических конфликтов: пример Гаити	29
<i>Покидов Д. В.</i> Проблема насилия в международном конфликте	33
<i>Полужтков А. А.</i> Насилие в политическом конфликте на примере событий 2013-2014 годов на территории Украины	35
<i>Савин С. С., Кортаева Т. А.</i> Политические факторы социальной напряжённости	38
<i>Семенкова Т. А.</i> Восприятие конфликта в политической культуре Японии	41
<i>Супонин В. В.</i> Межгосударственные территориальные споры, разрешаемые в международном суде ООН	44
<i>Сычев Д. В.</i> Особенности разрешения современных военных конфликтов	47
<i>Темергалиева К. Ю., Чурикова Е. А.</i> Теракты в Первой Чеченской войне как проявление насилия в политическом конфликте	49
<i>Турков Л. А.</i> Политические аспекты управления городскими конфликтами	52

Артемяева Д. В.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

***ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ В XXI ВЕКЕ:
ЭВОЛЮЦИЯ КУЛЬТУРНОЙ ДИПЛОМАТИИ***

Artem'eva D.V.

St Petersburg State University, St Petersburg

***POLITICAL DIALOGUE IN THE XXI CENTURY: THE EVOLUTION OF CULTURAL
DIPLOMACY***

В XXI веке субъекты мировой политики все чаще обращаются к понятию «культура» и «культурная дипломатия» в международном дискурсе. Отчасти, это обусловлено тем, что классическая дипломатия уже не способна справляться с конфликтными ситуациями на мировой арене. Сложившаяся геополитическая обстановка: возникновение новых политических акторов, создание киберпространства, «асимметричные» конфликты, кризисы идентичности - все это выводит культурную дипломатию на новый уровень. Дипломатия может по-прежнему начинаться и заканчиваться межгосударственными отношениями, но эффективное использование влияния все больше связано с налаживанием партнерских отношений, мобилизацией поддержки частного сектора, управлением сетями и формированием общественного мнения.

Актуальность данной статьи обусловлена несколькими факторами. Во-первых, сам термин «культура», и, как следствие, «культурная дипломатия», сложность его теоретического осмысления и отличие от схожих концептов, остается не до конца определенным. Во-вторых, негосударственные субъекты все чаще становятся политическими игроками, оказывая влияние на практику культурной дипломатии и меняя привычное взаимодействие акторов на международной арене. И, наконец, развитие информационных технологий напрямую влияет на эволюцию политического диалога в целом и культурной дипломатии в частности.

Несмотря на концептуальную путаницу, общей тенденцией к рассмотрению термина «культурная дипломатия» является его понимание как процесса коммуникации, который включает в себя как усилия по проецированию имиджа и ценностей другим странам, так и получение информации, и попытку понять культуру других стран и их народов. Культурная дипломатия - это не только вызов восхищения или сочувствия посредством демонстрации достижений национальной культуры, прежде всего, это укрепление доверия. В условиях продолжающегося экспоненциального распространения коммуникации через границы, истинную культурную дипломатию составляют элементы обмена и взаимности. В отличие от других практик межгосударственного взаимодействия, культурная дипломатия основана на диалоге, а не на монологе, что включает в себя продвижение общения между народами, а не правительствам, для построения соглашения, основанного на общих ценностях.

Это относится к растущей тенденции к взаимодействию с людьми в различных социальных сетях. Такой подход «люди – людям» является особенно эффективным: важность простых людей постепенно возрастает, что ставит культурное взаимодействие с использованием информационных технологий в центр любых действий правительства¹. Интернет будет иметь большое влияние на развитие культурной дипломатии, хотя трудно точно определить характер этого воздействия, учитывая быстрые темпы изменений.

Активно используют возможности онлайн коммуникации негосударственные субъекты, в первую очередь не только как продолжение своей маркетинговой или информационной деятельности, но и как основной инструмент наглядности и распространения информации. Это не просто еще один способ, с помощью которого они могут информировать аудиторию о том, что происходит, но и важный инструмент, предназначенный для повышения сбора мгновенной информации о влиянии их сообщения и его расширения².

Определение «негосударственные субъекты» обычно включает НПО, транснациональные корпорации, а также преступные и террористические сети, отдельных лиц, которые влияют на мировую арену. Негосударственные субъекты действуют на национальном, транснациональном, международном и глобальном уровнях, и их дипломатия де-факто часто проходит параллельно дипломатии суверенных государств, оспаривая юрисдикцию последних³. Они более гибкие, более ответственные по отношению к чрезвычайным ситуациям и, часто более эффективны, чем государства. Это сделало современную дипломатическую арену плюралистичной, динамичной и сложной. На самом деле эти субъекты не претендуют на роль равных с государствами и не являются участниками международных договоров в той же мере, что и государства, но, используя новые методы культурной дипломатии, способны формировать взгляды людей на глобальные события⁴. Сосуществование государства с новыми игроками означает необходимость развивать новые виды диалога по различным сценариям. Правительствам необходимо выйти за рамки односторонней коммуникации «в стиле объявления» и начать процесс взаимодействия, участия и сотрудничества для достижения совместных результатов, несмотря на зачастую жесткую дипломатическую практику.

Таким образом, для эффективного решения конфликтов в глобальном пространстве субъектам международного диалога следует обращаться к новым практикам культурной дипломатии. В прошлом культурная дипломатия рассматривалась как часть более широкой области общественной дипломатии, и считалось, что политика создает необходимое пространство для культурного обмена. Однако сегодня все по-другому: именно культура может создавать рабочие условия для политики. Новые подходы к культурным отношениям предполагают необходимую динамику: от событий к проектам, от двусторонних к многосторонним, от презентации к сотрудничеству, от продуктов к процессу, от одностороннего к многостороннему, от рассказа к слушанию, от

¹ Rose M., Wadham-Smith N. Mutuality, Trust and Cultural Relations. – L.: British Council, 2004. – pp. 35.

² Anholt S. The importance of national reputation. – In J. Welsh & D. Fearn (Eds.), Engagement: Public diplomacy in a globalized world, 2008. – pp. 30-43.

³ Teresa LaPorte, The Legitimacy and Effectiveness of Non-State Actors and the Public Diplomacy Concept, Public Diplomacy Theory and Conceptual Issues. – ISA Annual Convention, San Diego, CA (April 2012). – pp. 1-4

⁴ Langhorne, R. The Diplomacy of Non-State Actors. Diplomacy & Statecraft. – 16(2), 2005. – pp. 331-339.

саморекламы к продвижению ценностей и, в конце концов, к общему сдвигу, развитию как государств в частности, так и всего мира в целом.

Список литературы:

Anholt S. The importance of national reputation. – In J. Welsh & D. Fearn (Eds.), *Engagement: Public diplomacy in a globalized world*, 2008. – pp. 30-43.

Langhorne, R. The Diplomacy of Non-State Actors. *Diplomacy & Statecraft*. – 16(2), 2005. – pp. 331-339.

Rose M., Wadham-Smith N. *Mutuality, Trust and Cultural Relations*. – L.: British Council, 2004. – pp. 35.

Teresa LaPorte, *The Legitimacy and Effectiveness of Non-State Actors and the Public Diplomacy Concept, Public Diplomacy Theory and Conceptual Issues*. – ISA Annual Convention, San Diego, CA (April 2012). – pp. 1-4

Астафьева Е.А.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

***ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ КАК ОДНА ИЗ ГЛАВНЫХ
ОСОБЕННОСТЕЙ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ***

Astafieva E.A.

St Petersburg State University, St Petersburg

***EMOTIONAL COMPONENT AS ONE OF THE MAIN FEATURES OF ETHNO-POLITICAL
CONFLICTS***

Этнические конфликты одни из древнейших конфликтов, существующих на планете Земля. Они зародились в глубокой древности и продолжают существовать сейчас, причем в настоящее время такие конфликты являются наиболее частыми. Также данные конфликты в высокой степени сложные для анализа и прогнозирования, так как каждый конфликт уникален. Именно поэтому столь важно изучение этнических конфликтов, их детерминант, последствий и специфики. Одной из главных особенностей является психологическая составляющая конфликта, а именно - чрезмерная эмоциональная вовлеченность участников.

Такая вовлеченность связана с ключевым звеном этнического конфликта - этнической идентификацией. Этничность, согласно примордиалистскому, подходу это то, что присуще нам с рождения, генетически. Этничность, как правило, выбирается один раз на всю жизнь, она глубоко укорена в человеческой личности и связана с ней. В связи с этим в конфликтах достаточно сложно прийти к компромиссу, потому как каждый участник не собирается отступать от собственных принципов, идеалов, от своей этничности. Люди готовы совершать немислимые, порой нерациональные поступки, они воспринимают этнический конфликт как свой собственный, личный и готовы идти в нем до конца, жертвовать собой и приносить жертвы.

Понимание такого важного фактора как психологическая составляющая этнического конфликта может привести к грамотному анализу мотивов и целей участников, их готовность к действиям и способность применять насилие. Это может помочь спрогнозировать последствия от конфликта и принять необходимые меры для предотвращения эскалации конфликта.

В изучении этнополитических конфликтов такими эмоциональными составляющими занимается социально-психологический подход, который может объяснить, что мобилизация этнических групп происходит не только от активизации элит, как в политологическом подходе, или от социального неравенства, как в социологическом направлении, но напрямую зависит от психо-эмоционального состояния людей¹. На

¹ Мацнев А.А.: цит. по Климин Денис Юрьевич Этнополитические конфликты: теоретико-методологические подходы // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2007. №3. С. 5-19.

основании трех подходов были выстроены три концепции по изучению этнополитических конфликтов: структурная, поведенческая, концепция коллективного действия. В отличие от других, поведенческая концепция также делает акцент на социально-психологических факторах. Она говорит о том, что напряженность появляется из-за созданного одной группой образа “врага” в виде другой группы, который мешает первой достичь желаемого, удовлетворить свои потребности и быть счастливыми. Этническая группа начинает испытывать негативные эмоции по отношению к другой, что выливается в конфликт².

Здесь можно провести параллель с конфликтом между Хуту и Тутси в Руанде. Тутси пришли на землю Руанды позже Хуту, но при этом заняли более привилегированное из-за того, что были более цивилизованы. До середины 20 века Тутси занимали лидирующее положение в стране, поддерживались в период колонизации Руанды, в то время как у Хуту был кочевый режим на места в правлении. Поэтому, как только возникла возможность и с поддержкой Франции Хуту взяли верх на Тутси и встали во главе правления в середине 20 века. Казалось бы, Хуту добились, чего хотели, однако вся накопившаяся обида на Тутси осталась, поэтому народ Тутси подвергся прессингу, гонениям, ограничению мест в образовательных учреждениях и правительстве. На таком наглядном примере хорошо видно, как эмоциональная составляющая подавила человечность и направила Хуту на мщение за то, что столько лет они не имели возможности получить желаемого. Автоматически Тутси закрепились под образом «врага». Также сила нерациональной составляющей прослеживается в том, как Тутси, малочисленный народ Руанды, стал бороться за Руанду в конце столетия с преобладающим населением Хуту. Здесь берет фактор притязательности на территории, так как Тутси считали Руанду по историческому праву своей и были готовы бороться до конца³. На примере Хуту и Тутси можно доказать важность эмоциональной составляющей конфликта, она сыграла огромную роль в динамике этнополитического конфликта, повлияла на действия обеих сторон, привела к кровавому исходу. До сих пор в Руанде не до конца забыты обиды, что говорит о том, что наше психологическое состояние влияет на нас и на наше восприятие окружения, исторических событий и их последствий в настоящем.

Таким образом, мы хотим обозначить эмоциональную составляющую как одну из наиважнейших в этнических конфликтах. Отчасти за счет нее происходили многие конфликты, войны и геноцид населения. Поэтому столь важно при изучении этнических конфликтов рассматривать их социально-психологические стороны.

Список литературы:

Кривушин И.В. Сто дней во власти безумия. Руандийский геноцид 1994 г. – Издательский дом Высшей школы экономики, 2015.

² Стефаненко Т.: цит. по Климин Денис Юрьевич Этнополитические конфликты: теоретико-методологические подходы // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2007. №3. С. 5-19.

³ Кривушин И.В. Сто дней во власти безумия. Руандийский геноцид 1994 г. – Издательский дом Высшей школы экономики, 2015.

Мацнев А.А.: цит. по Климин Денис Юрьевич Этнополитические конфликты: теоретико-методологические подходы // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2007. №3. С. 5-19.

Стефаненко Т.: цит. по Климин Денис Юрьевич Этнополитические конфликты: теоретико-методологические подходы // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2007. №3. С. 5-19.

Данилова А.И.

Санкт-Петербургский Государственный Университет, Санкт-Петербург

КНР И ТАЙВАНЬ: СЕПАРАТИЗМ ИЛИ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ?

Danilova A.I.

St Petersburg State University, St Petersburg

PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA AND TAIWAN: SEPARATISM OR SELF-DETERMINATION?

В связи с последними событиями в мире, упоминание существующих противоречий и возможного вооруженного столкновения между Тайванем и КНР актуализировалось. Однако для китаистов проблема взаимоотношений этих двух территориальных субъектов никогда и не уходила на второй план. В течение многих десятилетий вопрос о конфронтации, сотрудничестве или же объединении КНР и Тайваня не утихает в кругах экспертов, изучающий этот феномен. Рассуждений о возможном развитии событий и о том, кто прав, а кто виноват становится все больше в связи с тем, что появляются новые данные, экспертные оценки и мнения, которые стремительно меняются вместе с миропорядком, геополитическими факторами и мировыми тенденциями. Внося свой вклад в изучение существующей проблемы, автор попытается ответить на вопрос, как в современном мире рассматривается независимое существование Тайваня от КНР: как проявление сепаратизма или же как реализация права на самоопределение?

Согласно историческим данным, взаимоотношения между Тайванем и Китаем начинаются еще с древности, когда территории острова заселяли племена австронезийских народов гаошань. Однако предпосылками существующих ныне напряженных отношений можно считать лишь середину XX века. В 1949 году фактически появилось два Китая – материковый и островной: КНР и гоминьдановская Китайская Республика (КР). Тайваньская проблема возникла из-за двух противоборствующих правительств, отстаивающих право представлять интересы всего китайского народа на мировой арене: коммунистического правительства новообразованного в 1949 году государства – КНР – и гоминьдановского правительства. КР поставила перед собой цель освободить материковый Китай от коммунистов, а КНР в свою очередь стремилась вернуть контроль над своей провинцией. Однако ни тому, ни другому не суждено было случиться. С того момента, как бы сильно КНР не хотелось вернуть под свою юрисдикцию остров, Тайвань осуществляет независимую внутреннюю и внешнюю политику, что и является объектом противоречия.

Возвращаясь к вопросу, поставленному автором, следует изучить взаимоотношения Тайваня и КНР с двух позиций: с точки зрения международного права и с точки зрения законодательства и официальной позиции материкового Китая.

Если рассматривать проблему с точки зрения международного права, то, бесспорно, нынешнее положение Тайваня не может считаться ничем иным как реализацией вполне законного права на самоопределение, которое закреплено в Уставе

ООН¹. К тому же, здесь важно учесть, что до 1971 года именно Тайвань представлял интересы всего Китая на мировой арене и являлся его юридическим воплощением, из чего следует, что в определенный период времени Тайвань являлся практически признанным государством, обладал всеми функциями, обязанностями и полномочиями представительства на мировой арене. Таким образом, Тайвань не может считаться сепаратистским образованием, каковым его считает Пекин.

Если же обратиться к законодательству КНР, то уже из Преамбулы Конституции² государства следует, что Тайвань – всегда был и будет неотъемлемой частью священной территории Китая. Тайвань – это «отколовшаяся» и сбившаяся с пути 23 провинция страны, которую всеми силами необходимо вернуть под юрисдикцию КНР.

Помимо Конституции, по мнению Китая, одним из весомых аргументов по этому вопросу является историческое прошлое двух территориальных единиц, ведь еще в конце XVII века Тайвань входил в состав императорского Китая. Помимо этого, с 1971 года ООН признало именно КНР в качестве юридического воплощения Китая, «исключив» Тайвань. Да и тот факт, что лишь несколько государств признают Тайвань в качестве независимой территории и что у него практически нет официальных дипломатических представительств в других странах является значительным аргументом в пользу незаконного отделения территории. Из этого следует, что независимость Тайваня была и есть проявлением сепаратизма.

Подводя итог, можно сделать вывод, что оба субъекта имеют весомые аргументы в свою пользу, поэтому ответить на вопрос однозначно нельзя. Тайвань, который в течение 70 с лишним лет осуществлял свою политику и развивался в соответствии со своими ценностями и ориентирами, не хочет возвращаться под юрисдикцию КНР, даже если она будет осуществляться в соответствии с концепцией «Одна страна – две системы». Тайвань стремится быть независимым, следовательно, он реализует свое право на самоопределение.

Однако же для КНР такая аргументация не является обоснованной и приемлемой, так как страна считает подобное поведение Тайваня «сепаратистским заговором». Для Пекина существует лишь одна цель – реализовать так называемую «великую китайскую мечту», то есть сплотить все группы населения государства и объединить китайцев во всем мире³. Идея «Единого Китая» принципиально важна для страны, а ее реализации препятствует невозможность вернуть свою законную территорию – Тайвань. Соответственно поэтому тайваньский вопрос для Китая – ни что иное, как проявление сепаратистских настроений. А учитывая заинтересованность США и других Западных государств в тайваньском вопросе, здесь еще и наблюдается вмешательство во внутренние дела государства и, следовательно, дестабилизация обстановки и подрыв национальной безопасности страны. Поэтому пока остров будет демонстрировать свое стремление к независимости, КНР не будет отступать от намеченной цели, о чем неоднократно

¹ Устав ООН // Организация Объединенных Наций. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text>

² 中华人民共和国宪法 1982 (с изм. в 1988, 1993, 1999, 2004 и 2018) // 中华人民共和国中央人民政府. – 2018. – 22 марта. – URL: http://www.gov.cn/guoqing/2018-03/22/content_5276318.htm

³ Печерица В.Ф. Концепция Си Цзиньпина «сообщество единой судьбы человечества»: от идеи до практического воплощения: монография / В.Ф. Печерица, А.В. Бояркина. – Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2020. – 224 с.

заявлялось как Си Цзиньпином, так и другими политическими деятелями. А опираясь на события и политику Китая в Гонконге, а также в автономных районах страны, можно прийти к выводу, что в ближайшем будущем нас вполне может ждать еще одно неприятное для многих развитие событий – вооруженная борьба с сепаратистскими настроениями – если Тайваню и КНР так и не удастся найти иное компромиссное решение конфликта.

Список литературы:

Печерица В.Ф. Концепция Си Цзиньпина «сообщество единой судьбы человечества»: от идеи до практического воплощения: монография / В.Ф. Печерица, А.В. Бояркина. – Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2020. – 224 с.

Устав ООН // Организация Объединенных Наций. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text>

中华人民共和国宪法 1982 (с изм. в 1988, 1993, 1999, 2004 и 2018) // 中华人民共和国中央人民政府. 2018. 22 марта. URL: http://www.gov.cn/guoqing/2018-03/22/content_5276318.htm

Козьмин Д. А.

Европейский Университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург

РЕГИОНАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ КАК ФАКТОР РОТАЦИИ

ГУБЕРНАТОРСКОГО КОРПУСА РФ

Kozmin D. A.

European University at St Petersburg, St Petersburg

REGIONAL CONFLICTS AS A FACTOR OF THE GOVERNOR'S CORPS ROTATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Формальные правила взаимодействия между федеральным и региональным уровнями власти в РФ за последние два десятилетия претерпевали множество изменений. Образование федеральных округов и введение уполномоченных представителей, реформа верхней палаты парламента РФ (Совета Федерации) 2001г, отмена губернаторских выборов в 2004г. и их возвращение в 2012г. – все эти преобразования оказывали влияние на региональные власти в целом и на губернаторов в частности. Однако привнесло ли возвращение прямых губернаторских выборов изменение в структуру и динамику региональных конфликтов Российской Федерации?

Теоретическая рамка исследования заключается в рассмотрении взаимодействия федерального и регионального уровней власти как двухуровневого конфликта: рассматривается конфликт (1) между губернатором и региональным парламентом в каждом отдельно взятом регионе и, как вытекающий из него, (2) конфликт между губернатором и федеральным уровнем власти. Исходя из результатов предыдущих исследований, федеральный центр ожидает от губернаторов определённых действий в своём регионе, таких как высокие электоральные результаты правящей партии¹, экономические² и демографические³ показатели региона, степень консолидации региональных элитных групп⁴. Однако большая часть исследований опиралась на данные до возвращения прямых губернаторских выборов в большинстве субъектов РФ в 2012 году. Это институциональное изменение внесло новые потенциально конфликтогенные факторы, такие как риск не быть переизбранным для непопулярного губернатора, что требует переосмысления как причин, так и последствий конфликтов федерального и регионального уровней. Этим обстоятельством обусловлены временные рамки анализа (2012-2020гг).

Несмотря на доминирование теории, объясняющей взаимодействие между федеральным уровнем власти и губернаторами через мобилизацию голосов за правящую

¹ Reuter, O. J., & Robertson, G. B. Subnational appointments in authoritarian regimes: Evidence from Russian gubernatorial appointments. *The Journal of politics*, 74(4), 2012, 1023-1037.

² Rochlitz, M., Kulpina, V., Remington, T., & Yakovlev, A. Performance incentives and economic growth: regional officials in Russia and China. *Eurasian Geography and Economics*, 56(4), 2015, 421-445.

³ Gorokhov V. I will survive: regional chief executives (governors) and the principal-agent paradigm after the abolition of gubernatorial elections in Russia. // *Journal of Contemporary Central and Eastern Europe*, №25(1), 2017, P. 103–115.

⁴ Кынев А. В. Феномен губернаторов-"варягов" как индикатор децентрализации. Опыт 1991–2018 гг. // *Полития*, No2 (93), 2019, С. 125– 150.

партию, роль региональных парламентов нельзя недооценивать, поскольку они не являются “фасадным” институтом, но выполняют конкретные функции, такие как контроль местного законодательства⁵ или распределение ресурсов между элитными группами⁶. Помимо прочего, выборы в региональные парламенты важны для губернатора потому, что контроль над региональным парламентом в регионе снижает вероятность возникновения противоречий между губернатором и региональным парламентом в регионе⁷. В отличие от Государственной Думы, региональный парламент субъекта РФ находится в том же регионе, что и губернатор, и взаимодействует с ним непосредственно.

Исходя из теоретических предпосылок, гипотеза исследования сформулирована следующим образом: подконтрольность регионального парламента в большей степени снижает ротацию губернатора, чем результаты правящей партии на выборах федерального уровня.

Для проверки гипотезы используется оригинальный набор данных ротации губернаторов с 2012 по 2020 годы включительно с единицей наблюдения регион/год, содержащий 759 наблюдений. Если ротация в конкретном регионе в конкретный год происходила, наблюдение отмечается как “1”, в противном случае – 0.

В качестве переменной, определяющей степень подконтрольности регионального парламента губернатору, используется доля депутатов от правящей партии. Для измерения показателей альтернативных гипотез используется доля голосов за правящую партию на федеральных выборах, рост валового регионального продукта и рост рождаемости, степень консолидации региональных элитных групп на основе метода Г. Голосова⁸. В качестве контрольных переменных, дополняющих модель, добавлен возраст губернатора, то количество лет, которое губернатор занимает свою должность, а также фактор, определяющий, были ли губернатор избран на выборах или назначен без последующего избрания.

В качестве метода использована биномиальная логистическая регрессия. Результаты регрессионного анализа отображены в Таблице 1.

Таблица 1. Результаты регрессионного анализа

Переменные	Модель 1	Модель 2
Доля мандатов в региональном парламенте	-2.400*** (0.912)	-
Доля голосов на выборах фед. уровня	-	-1.690* (0.888)
Рост ВРП	0.915 (1.467)	-0.010 (1.732)
Рост рождаемости	-3.884 (3.382)	-1.836 (3.618)
Индекс консолидации элитных групп	-0.086 (0.343)	-0.102 (0.342)
Возраст губернатора	0.047*** (0.016)	0.042*** (0.016)
Время губернатора при должности	0.072*** (0.025)	0.071*** (0.025)
Избрание/назначение	1.507*** (0.238)	1.406*** (0.238)
Константа	-3.622*** (1.068)	-4.161*** (1.035)

⁵ Golosov. G. V. Russia's centralized authoritarianism in the disguise of democratic federalism: Evidence from the September 2017 sub-national elections. // International Area Studies Review, Vol. 21(3), 2018, P. 231–248.

⁶ Reuter O. J., Turovsky R. Dominant party rule and legislative leadership in authoritarian regimes. // Party Politics, 2014, Vol. 20(5) 663–674.

⁷ Кынев А. В. Губернаторы в России: между выборами и назначениями // М.: Фонд «Либеральная миссия», 2020. С. 872.

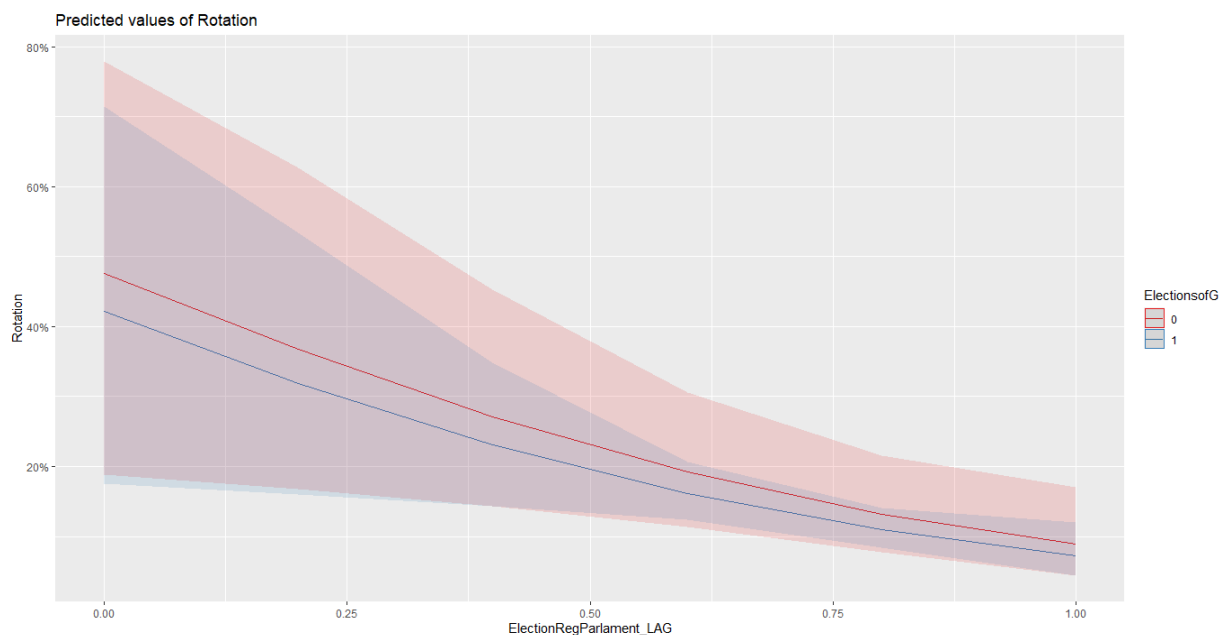
⁸ Golosov G. V. Russia's Regional Legislative Elections, 2003–2007: Authoritarianism Incorporated. // Europe-Asia Studies, 63:3, 2011, 397-414.

Логарифмическое правдоподобие	-269.600	-269.771
-------------------------------	----------	----------

*p<0.1; **p<0.05; ***p<0.01

Исходя из результатов регрессионного анализа можно заметить, что структура регионального парламента оказывает на ротацию губернатора большее влияние, чем доля голосов за правящую партию на выборах регионального уровня. Каждый дополнительный процент доли депутатов от правящей партии в региональном парламенте снижает вероятность ротации губернатора на 2.4%, тогда как каждый дополнительный процент голосов за правящую партию на федеральных выборах снижает вероятность ротации лишь на 1.7%. Наглядное изменение предсказанных значений представлена на рисунке 1.

Рисунок 1. Предсказанные значения ротации губернаторов.

Таким образом, гипотеза исследования подтверждается: способность губернатора контролировать свой региональный парламент, не допуская конфликтов и противоречий, является основополагающим фактором в конфликте следующего уровня между губернатором и федеральным центром. Данный вывод является контраргументом теории, которая рассматривала губернаторов, прежде всего, как агентов для мобилизации голосов и показывает, что губернатор в большей степени является актором конфликта разрешения на региональном уровне, и именно от выполнения этой функции зависит, насколько долго губернатор будет продолжать занимать свою должность.

Список литературы:

Кынев А. В. Губернаторы в России: между выборами и назначениями // М.: Фонд «Либеральная миссия», 2020. — 1030 с.

Кынев А. В. Феномен губернаторов-"варягов" как индикатор децентрализации. Опыт 1991–2018 гг. // Полития, №2 (93), 2019, С. 125– 150.

GolosoV G. V. Russia's Regional Legislative Elections, 2003–2007: Authoritarianism Incorporated. // Europe-Asia Studies, 63:3, 2011, 397-414.

GolosoV. G. V. Russia's centralized authoritarianism in the disguise of democratic federalism: Evidence from the September 2017 sub-national elections. // International Area Studies Review, Vol. 21(3), 2018, P. 231–248.

Gorokhov V. I will survive: regional chief executives (governors) and the principal-agent paradigm after the abolition of gubernatorial elections in Russia. // *Journal of Contemporary Central and Eastern Europe*, №25(1), 2017, P. 103–115.

Reuter, O. J., & Robertson, G. B. Subnational appointments in authoritarian regimes: Evidence from Russian gubernatorial appointments. // *The Journal of politics*, № 74(4), 2012, P. 1023-1037.

Reuter O. J., Turovsky R. Dominant party rule and legislative leadership in authoritarian regimes. // *Party Politics*, 2014, Vol. 20(5) 663–674.

Rochlitz, M., Kulpina, V., Remington, T., & Yakovlev, A. Performance incentives and economic growth: regional officials in Russia and China. // *Eurasian Geography and Economics*, № 56(4), 2015, P. 421-445.

Кумашов Д. Ж.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

РОССИЯ-КЫРГЫЗСТАН: РУССКИЙ ЯЗЫК КАК СВЯЗУЮЩИЙ МОСТ ДРУЖБЫ

Kumashov D. Z.

St Petersburg State University, St Petersburg

RUSSIA-KYRGYZSTAN: RUSSIAN LANGUAGE AS A CONNECTING BRIDGE OF FRIENDSHIP

Кыргызская Республика многими государственными деятелями и учеными¹ именуется островком демократии. Это есть большая гордость и честь Кыргызстану носить такое неофициальное название. Молодое государство с невероятной прозорливостью на стыке политических событий глобального значения в далекие 90-е годы объявив себя суверенным, независимым, правовым, демократическим государством взяла курс на развитие демократических институтов, обеспечивающих защиту прав человека и гражданина. Демократизация институтов органов государственной власти может происходить только на том системном уровне, где обеспечивается политическая самостоятельность курса государства в реализации национальных проектов государственного развития, то есть истинная независимость в международно-правовой арене, исключающее навязывание тех или иных политико-правовых установок в области государственного управления. Однако в отсутствие внутригосударственной концепции управления государство должно иметь возможность добровольно произвести внешнюю инъекцию зарубежных концептов управления. В этом смысле и первый, и второй сценарий как право государств на самоопределение закономерно должно быть ограничено мерами общемирового, общепризнанного характера мирового сообщества, установленного правовым институтом ООН, чтобы не допустить абсолютного характера действий и решений отдельных государств, которые иначе могут угрожать интересам и безопасности других стран. Ключевое место в процессе поиска равновесия интересов всего мира и стремлений соответствующего государства принадлежит Конституциям стран, позволяющим проводить тест на соответствие правилам международного сообщества (ООН). Исходя из такого положения будет проанализирован внешнеполитический курс Кыргызстана в отношении России в контексте актуальной проблемы последние 30 лет- “роль русского языка на постсоветском пространстве” на основе конституционного права Кыргызской Республики и норм международного права. Как точно Хабриева Т.Я. проводит исторический экскурс в мир конституционализма: “Мировой конституционализм с XVII по XX век воспринял инструментальную модель конституции, сфокусированной на системе государственных органов, поиске оптимальных форм правления, созданию собственной конституции разделения властей и

¹ Кыргызстан: “остров демократии” перед вызовом эффективного управления. Григорий Лукьянов. Аналитическая статья на сайте РСМД: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kyrgyzstan-ostrov-demokratii-pered-vyzovom-effektivnogo-upravleniya/> 2017

механизма противовесов. XX век стал *вехой социальной модели конституции*², которая предусмотрела социальную функцию государства. Конституции XXI века имеют свойства, которые, возможно, позволяют отнести их к ценностным.³ В этом отношении Конституция Кыргызстана также не исключение. Кыргызский конституционализм чередой развития находится в поиске конституционной идентичности, самобытности. Анализ конституционной истории Кыргызстана ярко показывает ступенчатость этого процесса. 30 декабря 1990 года Кыргызстан будучи еще в составе Союза принимает Декларацию о государственном суверенитете, где провозглашает верховенство прав человека (заметьте в первую очередь) в русле построения демократического правового государства, затем объявляет, что кыргызская нация, давшая название Республике, имеющая древнюю историю, самобытную культуру, свой язык, обычаи и традиции будет заботиться о сохранении целостности своего генофонда, этноса, культурного и языкового наследия на основе политики интернационализма, сотрудничества и взаимоуважения граждан всех национальностей. И последующем принятые Конституции Кыргызстана с 1993 года характеризуются ценностными положениями о кыргызской нации, важности защиты древней, самобытной истории кыргызской государственного и кыргызского народа, упоминаниями о национальных традициях и обычаях.⁴ Международный пакт о гражданских и политических правах к которому Кыргызская Республика присоединилась в 1994 году, в статье 26 закрепляет свободу от дискриминации, а в статье 27 запрещает странам, где существуют этнические, религиозные и языковые меньшинства, лицам, принадлежащим к таким меньшинствам отказывать в праве совместно с другими членами той же группы пользоваться своей культурой, исповедовать свою религию и исполнять ее обряды, а также пользоваться родным языком. С этих позиций, многим ошибочно видится конкуренция функционирования кыргызского языка как государственного языка и официального языка КР-русского языка, которые являются конституционными языками страны, в том числе в геополитическом плане, проявляющийся в международных отношениях России и Кыргызстана. Общеизвестно, что государственный язык есть фактор гомогенизации гражданского общества. Государственный язык выступает с одной стороны инструментом осуществления государственной национальной политики, с другой устанавливается для обеспечения единства культурного пространства в стране, ее политическое единство и культурное доминирование одной национальной культуры, чаще всего культуры “титупной” нации, с третьей создает единое коммуникативное пространство.⁵

² “веха” в моем употреблении.

³ Конституционная реформа в России: в поисках национальной идентичности. Т.Я. Хабриева. Вестник РАН, 2020, Т.90, №5, стр. 403-414. См. 405

⁴ Уважение к старшим, забота о родных и близких являются священной традицией народа Кыргызстана.- Конституция 1993, 26 статья

Появляется конституционное положение о том, что в Кыргызской Республике народные обычаи и традиции, непротиворечащие правам и свободам человека, поддерживаются государством.- редакция Конституции 2006, 16 статья

Народ Кыргызстана стремясь утвердить верховенство права, а также обеспечить социальную справедливость, экономическое благосостояние и духовное развитие народа принимаем Конституцию”- Конституция 2016, преамбула.

⁵ Что нужно, чтобы русский язык стал государственным? / С.А. Белов, Н.М. Кропачев // Закон. — 2016. — № 10. — С. 100–112. Стр. 103

А какова же конституционная роль русского языка? Русский язык-мост дружбы между кыргызским и российским народами.

Список литературы:

Конституционная реформа в России: в поисках национальной идентичности. Т.Я. Хабриева. Вестник РАН, 2020, Т.90, №5, стр. 403-414.

Кыргызстан: “остров демократии” перед вызовом эффективного управления. Григорий Лукьянов. Аналитическая статья на сайте РСМД: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kyrgyzstan-ostrov-demokratii-pered-vyzovom-effektivnogo-upravleniya/> 2017

Что нужно, чтобы русский язык стал государственным? / С.А. Белов, Н.М. Кропачев // Закон. — 2016. — № 10. — С. 100–112. <https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/5570/1/%D0%A7%D1%82%D0%BE%20%D0%BD%D1%83%D0%B6%D0%BD%D0%BE%20%D1%87%D1%82%D0%BE%D0%B1%D1%8B%20%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%20%D1%8F%D0%B7%D1%8B%D0%BA%20%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BB%20%D0%B3%D0%BE%D1%81%D1%83%D0%B4%D0%B0%D1%80%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%BC.pdf>

Леонтьев С.А.

Военная академия материально-технического обеспечения имени генерала армии А.В. Хрулёва, Санкт-Петербург

***НЕИЗБЕЖНО ЛИ НАСИЛИЕ
В ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТАХ СОВРЕМЕННОСТИ?***

Leontiev S.A.

Military Academy of Logistics, St Petersburg

IS VIOLENCE INEVITABLE IN THE POLITICAL CONFLICTS OF OUR TIME?

Конфликты сопровождали человеческое общество на протяжении всего времени его существования, и появление политических отношений не стало в этом смысле исключением. Более того, конфликтность политики стала одной из основных причин насилия, вооруженных столкновений между субъектами политической сферы. Часть экспертного сообщества считает, что сегодня насилие практически превратилось в атрибут современной политики. Так, в период 2021-2022 годов (по данным на март 2022 года) в мире произошло порядка 31 вооруженного конфликта. Как показывает практика, использование насилия в политических конфликтах в целом негативно сказывается на их ходе и результатах. Однако, проблема заключается в том, возможно ли избежать разрастания политических столкновений до уровня насильственных действий, а также в том, насколько такое насилие может быть оправдано с моральной точки зрения.

Аргументы в пользу частичного оправдания насилия как разумного и нравственно приемлемого способа действий регулярно воспроизводятся в философских и этических размышлениях¹, в то время как позиции сторонников радикального отрицания насилия представлены существенно реже. Частота использования тех или иных доводов, конечно, не является решающим доказательством правоты, однако заставляет задуматься над причинами, по которым мыслители снова и снова возвращаются к признанию насилия в качестве достойного способа действий (в том числе – политических).

Что же касается самой возможности избежать насилия в политических конфликтах, то существуют две противоположных позиции по этому вопросу². Сторонники концепции «новых войн» считают, что насилие сегодня не утрачивает своего места в противоборствах, хотя и носит модифицированный характер: «современные вооруженные конфликты значительно отличаются от тех, что происходили в XIX – начале XX в.: они децентрализованы, менее сдерживаемы, более хаотичны и жестоки, менее сосредоточены на территории и больше на контроле над населением, часто характеризуются преднамеренными нападениями на гражданских лиц»³. Одна из авторов концепции

¹ Насилие [Электронный ресурс] // Новая философская энциклопедия / URL: <http://iph.ras.ru/elib/2006.html> (дата обращения: 06.04.2022)

² См.: Малешевич С. Конец войне? Социологический анализ основных подходов к изучению войны // Социологические исследования, 2021, №9.

³ Там же. С. 81.

«новых войн» – Мэри Калдор – подчеркивает политическую природу этого нового насилия⁴.

С другой стороны, существуют сторонники идеи о том, что все виды насилия в современную эпоху (в том числе и вооруженные конфликты разного рода) демонстрируют нисходящую траекторию. Активным пропагандистом этой идеи стал Стивен Пинкер, который «не считает XX век самым жестоким периодом в истории человечества, а, напротив, настаивает на том, что для оценки уровня разрушающего действия для конкретного исторического периода следует использовать относительные, а не абсолютные цифры»⁵.

Стоит отметить, что оба эти подхода настаивают на изменении внешних проявлений насилия в современном мире, но интерпретируют такие модификации каждый по-своему. Причем «оптимистичный» сценарий Пинкера явно не получает подтверждения, исходя из текущих политических событий в мире, в то время как аргументы в пользу насилия разного рода как способа решения политических проблем только усиливаются. Речь при этом идет не только о вооруженном насилии, но и об экономическом давлении (так называемые «санкции»), информационной и психологической войнах и т.д. Таким образом, расширительное толкование насилия не дает возможности снять вопрос о его применении в политике с текущей повестки дня.

Список литературы:

Калдор М. Новые и старые войны. Организованное насилие в глобальную эпоху. М.: Изд-во института Гайдара, 2016. – 416 с.

Малешевич С. Конец войне? Социологический анализ основных подходов к изучению войны // Социологические исследования, 2021, №9. С. 80-93.

Насилие [Электронный ресурс] // Новая философская энциклопедия / URL: <http://iph.ras.ru/elib/2006.html> (дата обращения: 06.04.2022)

⁴ Калдор М. Новые и старые войны. Организованное насилие в глобальную эпоху. М.: Изд-во института Гайдара, 2016. С. 29.

⁵ Малешевич С. Конец войне? Социологический анализ основных подходов к изучению войны // Социологические исследования, 2021, №9. С. 80-93. С. 82.

Макеева М.С.

Санкт-Петербургский Государственный Университет, Санкт-Петербург

***КОНФЛИКТОЛОГИЯ КАК СРЕДСТВО
СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРЫ И НАРОДОВ МИРА***

Makeeva M.S.

St Petersburg State University, St Petersburg

***CONFLICTOLOGY AS A MEANS OF PRESERVING THE CULTURE AND NATIONS OF THE
WORLD***

Двадцать первый век, век глобализации, передовых технологий и непрерывного развития, однако, как и предыдущие столетия, ознаменован такими явлениями, как «горячие точки», перманентные межэтнические столкновения, а также полное уничтожение тех или иных культур в странах по всему миру. Многие народы, находясь в условиях обостренного конфликта, экспансии территорий и др., теряют своё культурное наследие; либо, выбирая ассимиляцию с теми, кому они уступают по силе, как способ сохранения своих жизней, либо их народность переходит в категорию исчезнувшие, в связи с значительными людскими потерями.

В своё время произошло истребление многочисленных племен и этносов, проживавших на территориях современных государств. Исчезновение людей, их самобытности, возможно было не допустить, даже имея в виду тот факт, что подобной науки, как конфликтология, ранее не было; были люди, и есть шанс не допустить сейчас, имея специалиста, задача которого состояла бы в урегулировании и нивелировании эскалированного состояния конфликта, используя основы и принципы конфликтологии.

Для начала необходимо отметить, что конфликтология – сравнительно молодая наука, значение которой сегодня нельзя недооценивать, ее преподавание только в России исчисляется всего лишь парой десятков лет, но, несмотря на это, она все же стала заметной наукой о социуме и человеке; предстает завершённой наукой, теоретически осмысливающей причины конфликта, устойчивые конфликтные связи на различных уровнях взаимодействия и предлагающей как устоявшиеся способы предупреждения и разрешения конфликта, так и выработку новых, соответствующих тому или иному конкретному конфликту методов¹.

Культура мира, в свою очередь, рассматриваемая, как некоторая совокупность неконфронтационных ценностей, ориентаций и действий индивида, государства и общества, как абсолютизация мирных стратегий поведения, правовых норм, созвучных интересам всех социальных слоев, как движение общества, государства и индивида к абсолютной нравственности, может быть успешно осмыслена в рамках конфликтологии, которая всеми своими разделами (от теории конфликта до прикладной конфликтологии)

¹ Алейников А.В., Стребков А.И. Конфликтология XXI века // Знание. Понимание. Умение. Гуманитарные науки: теория и методология. Санкт-Петербургский Государственный Университет - 2008. №2. С-112-121.

сможет стать тем, что обогатит культуру знаниями и способами неконфликтного поведения¹.

Именно в связи с данными факторами, конфликтологию можно обозначить, как средство для сохранения культур и народов мира – участие принимает либо третья, нейтральная сторона, не имеющая никаких связей ни с одной из конфликтующих сторон, либо сами народы и этносы, имея того, кто сможет их обучить методам, ориентируясь на которые возможным станет сотрудничество с наиболее благоприятным исходом для обеих сторон.

Принимая во внимание, что мир не подразделяется исключительно на “черное” и “белое”, а у каждой из конфликтующей сторон имеются свои причины, поводы, своя правда, необходимо уделить внимание моделям поддержки принятия решений в конфликтологии.

По результатам исследования А. И. Прангишвили, С. В. Прокопьева и О. Б. Шония, наиболее оптимальным способом предупреждения и разрешения конфликтов в общем является компьютерная модель принятия решений. Специалисты выделили следующие этапы принятия решений в рамках данной модели:

1. Анализ ситуации;
2. Подбор и стимулирование экспертов;
3. Формирование целей и стратегий;
4. Выявление факторов, влияющих на возникновение и протекание конфликта, их проверка на полноту;
5. Генерация возможных сценариев;
6. Оценка возможных решений;
7. Согласование решений;
8. Прогнозирование последствий принимаемых решений;
9. Оценка стабильности сценариев;
10. Анализ динамики развития ситуации;
11. Задание уровня (иерархии) управления;
12. Оценка потенциала системы;
13. Выбор решения;

которыми следует руководствоваться ответственному лицу в ходе разрешения конфликта, так как они, в связи со своей спецификой, предоставляют возможность выбора наиболее релевантного варианта исхода конфликта на том или ином этапе.

Поддержка принятия решений в целом рассматривалась А. И. Прангишвили, С. В. Прокопьевой и О. Б. Шония как многоэтапная задача. На каждом из n этапов решается задача максимизации показателя эффективности W_i , который зависит от a_i – множества заданных факторов, x_i – множества решений, для которых определено множество допустимых значений, и b_i – множества неизвестных (неопределенных) факторов этапа². Для определения показателя эффективности W системы происходит подбор весовых

² Прангишвили А.И., Прокопьева С. В., Шония О. Б. Модель поддержки принятия решений в конфликтологии // Информационные технологии в проектировании и производстве. Научно-технический центр оборонного комплекса «Компас», Всероссийский НИИ межотраслевой информации (Москва). 2007. №3. С.56-58.

коэффициентов этапов k_i с помощью экспертов². Данный подход дает возможность выбора наиболее подходящего (в смысле сложности) метода решения на каждом этапе. Если $k_i = 1/n$, то это означает, что каждый этап поддержки принятия решения равнозначен; если $k_i = 0$, то данный этап выпадает из общей схемы и в данном конкретном случае не рассматривается и т. д.².

Поскольку данный метод принятия решений охватывает как экономические, политические, идеологические, так и социальные, культурные, этнические факторы возникновения конфликтов, а, следовательно, принимает во внимание наибольшее количество вариаций исхода решения в ходе конфликта, его можно отметить, как наиболее практичный и оптимальный для разрешения конфликтов, способствующий сохранению культуры людей.

Принимая во внимание основы и суть конфликтологии, методы и способы разрешения конфликтов, рассматриваемых в рамках данной науки, а также сам конфликт, как неотъемлемую часть жизни общества, возникающего по ряду причин: как в целом государственные, так и локальные, частные, что включает в себя этнические, культурные, идеологические и др., - можно сделать вывод, что специалист, опираясь на законы конфликтологии, имея цель не просто усреднить состояние конфликта, а именно разрешить его, что в дальнейшем позволит людям мирно жить бок о бок друг с другом, принимая лучшее друг от друга, но, не теряя при этом свою идентичность и разнообразие, и выходя к удовлетворительному, для обеих сторон, разрешению спорного вопроса, перешедшего в конфликт, угрожающего потерей того, что веками создавалось людьми именно данных этносов, народов.

Список литературы:

Алейников А. В., Стребков А. И. Конфликтология XXI века // Знание. Понимание. Умение. Гуманитарные науки: теория и методология. Санкт-Петербургский Государственный Университет - 2008. №2. С-112-121.

Прангишвили А.И., Прокопьева С. В., Шония О. Б. Модель поддержки принятия решений в конфликтологии // Информационные технологии в проектировании и производстве. Научно-технический центр оборонного комплекса «Компас», Всероссийский НИИ межотраслевой информации (Москва). 2007. №3. С.56-58.

Морева Ю.Е.

Санкт-Петербургский кампус Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики», Санкт-Петербург

***ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И СОЦИО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ
УЧАСТИЯ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОТЕСТАХ***

Moreva Yu.E.,

National Research University Higher School of Economics, St Petersburg

***PSYCHOLOGICAL AND SOCIO-DEMOGRAPHIC FACTORS OF PARTICIPATION IN
POLITICAL PROTESTS***

Политический протест – один из важных индикаторов наличия политического конфликта в обществе. До начала эпидемии коронавирусной инфекции во всем мире наблюдалась тенденция к увеличению уровня протестной активности. Россия не осталась в стороне от общемировой тенденции: по данным опросов в 2019 году в России наблюдалось повышение уровня протестных настроений. Широкое распространение феномена протеста поставило исследователей, политиков и все мировое сообщество перед вопросом о причинах протеста, о том, каковы факторы, влияющие на увеличение числа протестов. Есть основания полагать, что тенденция к увеличению протестных настроений будет продолжаться по мере снятия эпидемиологических ограничений, что актуализирует обозначенную тему.

В рамках данного исследования рассматриваются следующие характеристики, которые могут быть связаны с участием в политическом протесте – ценности личности, склонность к риску и субъективное благополучие.

В современном обществе преобладают постматериалистические ценности, и доминирование таких ценностей стимулирует протестную активность. Согласно выводам Инглхарта, сейчас в экономически развитых обществах причиной протеста являются не материальные факторы а, наоборот, ключевая ценность - свобода, равенство и способность обеспечивать жизнь будущих поколений в экологически устойчивой среде¹. Положительная связь между участием в акциях протеста и приверженностью постматериалистическим ценностям доказана, например, для этнополитического протеста валлийцев² и европейских политических движений³.

Как правило, участие в акциях протеста связано с риском для здоровья человека – физического – в ходе акции протеста участнику может быть нанесены увечья в результате действий толпы или полиции, и психического – если в ходе протеста совершается насилие, зачастую оно наносит не только физический урон. Участие в протестах связано и с репутационными рисками⁴. Склонность к рискованному поведению выделяется как

¹ Inglehart R., 2018. Cultural Evolution: People's Motivations are Changing, and Reshaping the World.

² McAllister I. and Mughan A., 1983. Values, Protest and Minority Nationalism in Wales. British Journal of Political Science: 230-243.

³ Grasso M. T. and Giugni M., 2016. Protest, Social Movements, and Global Democracy since 2011: New Perspectives. Emerald Group Publishing.

⁴ van Stekelenburg J., 2013. The Political Psychology of Protest. European Psychologist, 18:224-234.

характеристика участников акций протеста⁵. В работе, посвященной коллективным политическим действиям в Египте, доказываем, что готовность принять риск повышает уровень гнева, который является одним из основных предикторов протестной активности⁶.

Важной категорией в анализе протестного поведения является удовлетворенность жизнью. Так, Гусейнов и соавторы считают, что характерные для личностей со склонностью к оппозиционному поведению непонимание смысла жизни, невозможность удовлетворить потребности и осуществить жизненные задачи приводят к неудовлетворенности жизнью⁷.

В ряде работ степень удовлетворенности жизнью оценивается через такой критерий, как субъективное благополучие. Когда человек с помощью своих политических действий получает то, что хочет, его уровень субъективного благополучия возрастает⁸. В противоположном случае, человек ощущает недовольство, которое может привести к участию в акциях протеста⁹. К тому же, в работе Дж. Лоренцини, эмпирически доказана связь уровня субъективного благополучия с участием в протестной активности¹⁰.

В рамках настоящего исследования для того, чтобы выявить связь ряда психологических и социо-демографических характеристик с вероятностью участия в акциях протеста использовались методики диагностики ценностных ориентаций (Ш. Шварц), склонности к риску (А. Г. Шмелев) и субъективного благополучия (Э. Динер).

Были выдвинуты предположения о том, что для участников акций протеста будет не характерна приверженность традиционным и материальным ценностям и будет характерна приверженность пост-материалистическим ценностям. Кроме того, выдвигались гипотезы о связи высокой склонности к риску и низкого уровня субъективного благополучия с участием в политическом протесте.

Также учитывались возраст, пол и уровень образования участников исследования. Данные, используемые в исследовании, были получены в ходе онлайн-опроса 80 жителей Санкт-Петербурга 18–30 лет. Опрос был проведён весной 2021 года. Данные были проанализированы с помощью логистического регрессионного анализа.

Таблица 1. Результаты регрессионного анализа

	Зависимая переменная: Участие в акциях протеста				
Безопасность	-0.53**				
Приверженность традициям		-0.9***			

⁵ Johnson B. B., Covello V. T. (ed.), 2012. The social and cultural construction of risk: Essays on risk selection and perception. – Springer Science & Business Media. – Т. 3.

⁶ Ayanian, A.H. and N. Tausch, 2016. How risk perception shapes collective action intentions in repressive contexts: A study of Egyptian activists during the 2013 post-coup uprising. *British Journal of Social Psychology*, 55(4): 700–721

⁷ Гусейнов, А.Ш., З.И. Рябикина, Г.Ю. Фоменко и В.В. Шиповская, 2018. Феномен протестной активности личности: субъектно-бытийная интерпретация. *Российский психологический журнал*, 14(78).

⁸ Ryan, R. and E. Deci, 2001. On Happiness and Human Potentials: A Review of Research on Hedonic and Eudaimonic Well-Being. *Annual review of psychology*, 52: 141-166.

⁹ Anderson C., Blais A., Bowler S., Donovan T., Listhaug O., 2005. Losers' Consent: Elections and Democratic Legitimacy.

¹⁰ Lorenzini, J., 2015. Subjective well-being and political participation: A comparison of unemployed and employed youth. *Journal of Happiness Studies*, 16(2): 381-404.

Забота о других			0.53**		
Рискованное поведение				0.1	
Субъективное благополучие					-0.16
Возраст	0.16	0.11	0.11	0.11	0.09
Пол: мужской	0.05	0.08	0.71	0.43	0.44
Образование: без высшего образования	0.77	0.97	0.64	0.53	0.44
Constant	-0.14	-0.21	-0.33	-0.22	-0.21

Результаты анализа данных (см. Таблицу 1) свидетельствуют о наличии статистически значимой связи ценностей и вероятности участия в акциях протеста. Для участников акций протеста в меньшей мере характерна приверженность таким ценностям, как безопасность и традиции, чем для тех, кто не участвует в акциях протеста. Для участников акций протеста в большей мере характерна приверженность заботе о других как ценности, чем для тех, кто не участвует в акциях протеста.

Что касается связи склонности к риску и субъективного благополучия с вероятностью участия в акциях протеста, то такая связь не является статистически значимой. К тому же, социо-демографические характеристики, такие как возраст, пол и уровень образования, также не оказывают статистически значимого эффекта на вероятность участия в политическом протесте.

Список литературы:

Гусейнов, А.Ш., З.И. Рябикина, Г.Ю. Фоменко и В.В. Шиповская, 2018. Феномен протестной активности личности: субъектно-бытийная интерпретация. Российский психологический журнал, 14(78).

Anderson C., Blais A., Bowler S., Donovan T., Listhaug O., 2005. Losers' Consent: Elections and Democratic Legitimacy.

Ayanian, A.H. and N. Tausch, 2016. How risk perception shapes collective action intentions in repressive contexts: A study of Egyptian activists during the 2013 post-coup uprising. *British Journal of Social Psychology*, 55(4): 700–721.

Grasso M. T. and Giugni M., 2016. *Protest, Social Movements, and Global Democracy since 2011: New Perspectives*. Emerald Group Publishing.

Inglehart R., 2018. *Cultural Evolution: People's Motivations are Changing, and Reshaping the World*.

Johnson B. B., Covello V. T. (ed.), 2012. *The social and cultural construction of risk: Essays on risk selection and perception*. – Springer Science & Business Media.

Lorenzini, J., 2015. Subjective well-being and political participation: A comparison of unemployed and employed youth. *Journal of Happiness Studies*, 16(2): 381-404.

McAllister I. and Mughan A., 1983. Values, Protest and Minority Nationalism in Wales. *British Journal of Political Science*: 230-243.

Ryan, R. and E. Deci, 2001. On Happiness and Human Potentials: A Review of Research on Hedonic and Eudaimonic Well-Being. *Annual review of psychology*, 52: 141-166.

Van Stekelenburg J., 2013. The Political Psychology of Protest. *European Psychologist*, 18: 224-234.

Носов В.А.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

***КУЛЬТУРНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ:
ПРИМЕР ГАИТИ***

Nosov V.A.

St. Petersburg State University

CULTURAL DETERMINANTS OF POLITICAL CONFLICTS: HAITI EXAMPLE

В современном мире особую остроту и актуальность приобрели дискуссии о путях развития человеческого общества, и дебаты о возможности приведения политических структур и практик, выработанных различными культурами нашей планеты, к некоторому общему знаменателю. В последнее время вопрос о готовности всех без исключения стран принять ценности либеральной демократии и воплощать их в жизнь встал особенно серьезно, но в дискуссиях большинство присутствующих в медиаполе экспертов если и признает факт отсутствия такой готовности, то ссылается на слишком большую разницу между, например, странами Западной Европы и традиционной культурой Афганистана, и самобытность последней, мало подвергавшейся влиянию первой. Вместе с тем поразительную устойчивость своих внутренних структур несмотря на смену внешних форм демонстрируют не только относительно изолированные и своеобразные культуры. Примером таковой, на наш взгляд, является республика Гаити.

Как известно, эта страна после кровавой войны в начале XIX века стала второй после США колонией в западном полушарии, провозгласившей независимость¹. И дальше в ней возникла своеобразная политическая культура: в отсутствие каких-либо своих традиций местные элиты пытались воспроизводить политические практики сперва колониализма, а потом доминирующей в регионе силы в лице США, сохраняя при этом один и тот же формат функционирования.

Первые владыки брали себе королевские титулы и даже императорский, раздавали чины и, землю приближенным, постройка дворцов в принятом на тот момент в Европе стиле². Затем стали выбирать президентов, причем часто объявлявших себя пожизненными, что фактически продолжало монархическую практику при соблюдении республиканской формы правления, иногда возвращались к титулованию главы государства королями и императорами. Принимали и конституции, в среднем по одной раз в семь лет, и регулярно нарушали даже и основополагающие их принципы³. Примечательно, что ни один из “монархов” так и не смог продлить династию хотя бы во второе поколение, всего одному президенту удалось просидеть полный срок своих полномочий. Это, на наш взгляд, стало следствием совмещения двух факторов: готовности имитировать формы государственного управления и отсутствия

¹ Historical Dictionary of the Old South. P. 164.

² Coupeau S. The History of Haiti. P. 44-45, 164; Гоннионский С.А. Гаитянская трагедия. С. 37-39, 46; International Encyclopedia of Revolution and Protest. P. 1511.

³ Dominican Republic and Haiti: Country Studies (2nd ed.). P. 219; Girard P. Paradise Lost. Haiti's Tumultuous Journey from Pearl of the Caribbean to Third World Hotspot. P. 72-73; The Brief History of the Caribbean. P. 168.

определенного представления о том, как они функционируют, в т.ч. понимания таких концепций, как легитимность. Фактически, политический процесс в стране почти полтора столетия состоял из игры в “короля горы”, которого может свергнуть в любой момент свергнуть каждый достаточно крепкий претендент. В ряде стран в те времена прижился термин “гаитианизм” для особо крупных случаев беспорядка с насилием⁴.

Второй этап существования политической культуры Гаити, на наш взгляд, связан с американской экспансией в регионе. США свыше 20 раз за семьдесят лет, предшествовавших прямой оккупации республики в 1915 году, присылали свои военные контингенты, и обсуждался вопрос об аннексии острова целиком⁵. Этот момент знаменовал наступление периода “ручного управления”, когда президента выбирал самолично адмирал флота⁶, все высшие должности замещены либо американцами либо их ставленниками⁷, и даже после вывода американских войск все равно еще десять лет за США сохранялось право контролировать финансовые потоки⁸. В гаитянской политической культуре тот период произвел своего рода смену модуса функционирования системы: теперь требовались для легитимизации выборы, парламентские решения, референдумы. При этом принципы остались теми же самыми, – неважно, что результаты демократического процесса обеспечивались нажимом, насилием и подтасовками, а президенты постоянно менялись, и не редкость за девять месяцев пять смен правительства⁹. Исключением из правил стало правление Франсуа Дювалье – выдвинутого американцами, причем считавшегося не имевшим политических амбиций, с репутацией честного, высмеивавшего до восхождения на президентский пост “манию президентства” и злоупотребления прежних глав государства¹⁰, и превратившегося в одного из самых одиозных диктаторов не только региона, но и мира. Соблюдая видимость демократии, организуя парламентские выборы и референдумы, пусть даже и получая на них нужные результаты после нажима, полностью контролировал все три ветви власти¹¹, а также экономику страны¹², успешно расправлялся с оппозицией, в т.ч. и внесудебными мерами, жертвами чего стали десятки тысяч людей¹³, и парировал все угрозы, созданные ему оппонентами. Франсуа Дювалье совершил вдобавок то, что никому до него не удавалось: передал пост сыну¹⁴. В правление младшего Дювалье в общем и целом продолжались прежние практики и в политике и в экономике, но на фоне целой череды экономических и социальных неурядиц режим пал в конце 80-х, после тридцати лет

⁴ Coupeau S. The History of Haiti. P. 37.

⁵ Coupeau S. The History of Haiti. P. 63; Гонионский С.А. Гаитянская трагедия. С. 59; Dominican Republic and Haiti: Country Studies (2nd ed.). P. 222.

⁶ Гонионский С.А. Гаитянская трагедия. С. 61-62, 71.

⁷ The Brief History of the Caribbean. P. 168.

⁸ International Encyclopedia of Revolution and Protest. P. 1523.

⁹ Dominican Republic and Haiti: Country Studies (2nd ed.). P. 326.

¹⁰ The Brief History of the Caribbean. P. 171; Гонионский С.А. Гаитянская трагедия. С. 86-87; Dominican Republic and Haiti: Country Studies (2nd ed.). P. 339.

¹¹ Coupeau S. The History of Haiti. P. 98-99; Гонионский С.А. Гаитянская трагедия. С. 100; Dominican Republic and Haiti: Country Studies (2nd ed.). P. 232.

¹² Dominican Republic and Haiti: Country Studies (2nd ed.). P. 235, 284; Гонионский С.А. Гаитянская трагедия. С. 93.

¹³ The Brief History of the Caribbean. P. 174.

¹⁴ Гонионский С.А. Гаитянская трагедия. С. 133-134; The Brief History of the Caribbean. P. 171.

существования¹⁵. Но последующие события показали, что преобладающий тип политической культуры так никуда и не делся – переходный период, как предполагалось, от диктатуры к демократии, вылился в жестокую борьбу всех против всех, появление нового кандидата в сильные люди в лице Жан-Бертрана Аристида, свержение его офицерской кликой, утверждение военной диктатуры, и новое вмешательство США. За этим последовал период институционализации новых порядков, предполагаемой целью чего предполагалось построение полноценной демократии “западного” образца – и кончился он снова чередой попыток конституционно избранных президентов концентрировать рычаги власти и регулирования экономики в своих руках, вступая в противодействие с другими политическими группами и стейкхолдерами¹⁶. Даже в относительно благополучные последние годы работа местных администраций постоянно парализована благодаря интенсивному конфликтному взаимодействию президентов, парламента, влиятельных в экономике игроков, разного рода региональных групп – и все это в ущерб развитию экономики и социальной сферы, в помощь закреплению стереотипного политического поведения и при полном равнодушии главных борцов за демократию в мире.

Если суммировать события последних тридцати лет, гаитянская политическая культура по-прежнему имитирует форму демократического процесса, по существу сохраняя неизменными свои ранее отмеченные негативные черты – неготовность к долгосрочной кооперации, неумение\нежелан учитывать интересы стейкхолдеров, отказ от полноценного учета чужих интересов в ходе политического процесса. Даже такая характерная для региона в целом форма государственного устройства, как диктатура, часто выступающая как способ снять самые острые противоречия в политической и общественной жизни, в гаитянских условиях функционирует совершенно особым образом, успешных примеров ее работы очень мало, да и то в местных условиях диктатура занимается тем же, чем и обычная политическая структура, просто применяет аппарат подавления интенсивнее. Особенно заслуживает рассмотрения феномен готовности имитировать внешние формы и работе в прежнем формате несмотря на несхожесть имитируемых систем и неоднократные вмешательства главных адептов парламентской демократии, отсутствие при этом серьезного прогресса. Она указывает на существование в общественном сознании некоторых обществ установок, которые с трудом поддаются коррективам, что важно для понимания, почему чужеродные институты зачастую так трудно приживаются у ряда культур.

Список литературы:

- Bronfman A. *On the Move. The Caribbean Since 1989*. London, 2007.
Coupeau S. *The History of Haiti*. Westport, 2008.

¹⁵ Coupeau S. *The History of Haiti*. P. 106; Girard P. *Paradise Lost. Haiti's Tumultuous Journey from Pearl of the Caribbean to Third World Hotspot*. P. 106; Bronfman A. *On the Move. The Caribbean Since 1989*. P. 15; *Historical Dictionary of Haiti*. P. 91.

¹⁶ См. *South America, Central America and Caribbean*. 2011.; *Latin America*. 2016-2017; *Europa World Yearbook*. 2005; *Historical Dictionary of Haiti*; Girard P. *Paradise Lost. Haiti's Tumultuous Journey from Pearl of the*

- Dominican Republic and Haiti: Country Studies (2nd ed.). Washington, 1991.
- Europa World Yearbook. 2005. London, 2004.
- Figueredo D., Argote-Freyre F. Brief History of the Caribbean. New York, 2008.
- Girard P. Clinton in Haiti: the 1994 U.S. Invasion of Haiti. New York, 2004.
- Girard P. Paradise Lost. Haiti's Tumultuous Journey from Pearl of the Caribbean to Third World Hotspot. New York, 2005.
- Historical Dictionary of Haiti. Lanham, 2007.
- Historical Dictionary of the Old South. Lanham, 2005.
- International Encyclopedia of Revolution and Protest. New York, 2009.
- Latin America. 2016-2017. Lanham, 2016.
- Political Handbook of the Americas. 2008. Washington, 2007.
- South America, Central America and Caribbean. 2011. London, 2010.
- Гонионский С.А. Гаитянская трагедия. М., 1974.

Покидов Д.В.

Военная академия материально-технического обеспечения имени генерала армии А.В. Хрулёва, Санкт-Петербург

ПРОБЛЕМА НАСИЛИЯ В МЕЖДУНАРОДНОМ КОНФЛИКТЕ

Pokidov D.V.

Military Academy of Logistics, St Petersburg

THE PROBLEM OF VIOLENCE IN INTERNATIONAL CONFLICTS

Международные конфликты в наше время являются неотъемлемой частью жизни общества, они многогранны и имеют множество причин для возникновения и продолжения. Радикальные противники насилия считают, что урегулирование конфликта (в том числе международного) с помощью оружия не имеет права на существование, а моральное оправдание насилия невозможно, но в реальности большинство экспертов склоняются к тому, что мировое сообщество не может существовать без этих конфликтов, и применение насилия при их разрешении частично оправдано. Косвенно это связано с интерпретацией насилия как разновидности «отношений власти, поскольку последняя представляет собой господство одной воли над другой, принятие решения за другого»¹.

Особенностью насилия в современном мире стало расширение его границ. Если исходить из определения насилия как действия, «на которое в принципе не может быть получено согласие тех, против кого оно направлено, ибо оно не считается с их целями, правами, интересами»², то под ним можно понимать не только физическое насилие над людьми, но и ограничение их прав на свободное передвижение, на свободу выбора, использование ресурсов и т.д. В качестве примера можно привести такой способ разрешения международных конфликтов как санкции. По сообщениям СМИ количество разнообразных санкций, введенных против российских физических и юридических лиц к 22 марта 2022 г. составило 7116. Тем самым Россия стала международным лидером по количеству введенных против нее санкций. Можно говорить и о насилиии в рамках информационной войны, которая сейчас активно ведется против России.

Одной из попыток интерпретировать изменения в военных конфликтах стала концепция «новых войн» Мэри Калдор³, согласно которой государство утрачивает сегодня монополию на легитимное (военное) насилие, при этом границы между легитимным и преступным насилием размываются. Характерным признаком «новой войны», по мнению Калдор, стало формирование специфической децентрализованной военной экономики⁴, когда даже оказание гуманитарной помощи способно содействовать продолжению конфликта и насилия.

Особенностью современных международных конфликтов также стала их продолжительность, поскольку речь идет не просто о борьбе за территорию. Конфликт

¹ Насилие [Электронный ресурс] // Новая философская энциклопедия / URL: <http://iph.ras.ru/elib/2006.html>

² Там же

³ Калдор М. Новые и старые войны. Организованное насилие в глобальную эпоху. М.: Изд-во института Гайдара, 2016.

для определенного круга стран стал инструментом получения выгод как экономических, так и политических. Стратегия поддержания конфликтов для оправдания военного присутствия, по мнению политологов, особенно характерна для США. «Чтобы обеспечить контроль над ключевыми регионами поступления ресурсов и инвестиций, Соединенные Штаты нуждаются в некотором хаосе, который служил бы обоснованием их регулярного вмешательства во внутреннюю политику государств Старого Света и Ближнего Востока»⁵. Т.е. международный конфликт и попытки его насильственного разрешения могут длиться до тех пор, пока это будет иметь выгоду для определенной стороны.

Решить проблему насилия в современных конфликтах достаточно сложно: единого действенного способа еще не найдено. Вмешательство в них разнообразных посредников, внешних сил, способно как ускорить, так и затянуть противостояние. Однако стоит присмотреться к практикуемой сегодня Россией тактике контрсанкций, чтобы в условиях международного давления, которое на нее оказывается, уменьшить возможные выгоды противоположной стороны конфликта.

Список литературы:

Калдор М. Новые и старые войны. Организованное насилие в глобальную эпоху. М.: Изд-во института Гайдара, 2016. – 416 с.

Насилие [Электронный ресурс] // Новая философская энциклопедия / URL: <http://iph.ras.ru/elib/2006.html> (дата обращения: 06.04.2022)

Понамарева А.М. Старые песни на новый лад: Международные конфликты в XXI веке // Актуальные проблемы Европы, 2020, 2. С. 11-41.

⁴ Там же. С. 45.

⁵ Понамарева А.М. Старые песни на новый лад: Международные конфликты в XXI веке // Актуальные проблемы Европы, 2020, 2. С. 19.

Полуэктвов А.А.

Санкт-петербургский Государственный Университет, Санкт-Петербург

***НАСИЛИЕ В ПОЛИТИЧЕСКОМ КОНФЛИКТЕ
НА ПРИМЕРЕ СОБЫТИЙ 2013-2014 ГОДОВ
НА ТЕРРИТОРИИ УКРАИНЫ***

Poluektov A.A.

St Petersburg State University, St Petersburg

VIOLENCE IN A POLITICAL CONFLICT ON THE EXAMPLE OF THE EVENTS OF 2013-2014 ON THE TERRITORY OF UKRAINE

Тема политического насилия остается одной из главенствующих при рассмотрении вопросов государственности в целом и политического в частности. И динамика последних десятилетий показывает, что атрибут насилия является неотъемлемым от современной политической жизни. Насилие всегда использовалось в политике, и вряд ли когда-либо удастся полностью отказаться от него. Правда, в двадцатом веке вопрос о приемлемости насилия в качестве универсального способа регулирования общественной жизни все больше ставится под сомнение, а применение насилия все более осуждается.

По мнению российского социолога Здравомыслова А.Г.: «политический конфликт есть постоянно действующая форма борьбы за власть в данном конкретном обществе»¹. Проведя анализ литературы, мы пришли к выводу, что политический конфликт - это противостояние двух или нескольких политических сторон, причинами которого выступают несовместимые ценности, мотивы и политические интересы. Изучив теоретические материалы по теме политического конфликта можно выделить следующие основы политического конфликта:

- наличие столкновения двух или более противостоящих политических сторон;
- причиной столкновения должны являться властные отношения и сама власть (захват территорий, использование власти в личных целях, насильственное удержание власти);
- осознание субъектами конфликта невозможности разрешения существующих противоречий мирным путем;
- наличие противостояния между субъектами.

Проводя характеристику сторон конфликта стоит выделить основные ранги вовлеченности, нами в ходе исследования были обозначены четыре ранга:

- 1) наглядно вступают в конфликт, открыто заявляют о своих интересах;
- 2) стороны, представляющие групповые интересы;
- 3) структуры, состоящие из взаимодействующих друг с другом групп;

¹ Здравомыслов А.Г. Социология: теория, история, практика. [Электронный ресурс]/ А.Г. Здравомыслов – Режим доступа: www.isras.ru (дата обращения 04.04.2022).

4) стороны, выполняющие судебную и посредническую функцию.

Рассматривая структуру конфликта на территории Украины можно четко выделить прямые стороны конфликта, которые можно обозначить как «Запад Украины» и «Юго-Восток Украины». Также можно выделить иные стороны конфликта, косвенно на него влияющие (провокаторы, подстрекатели, посредники, союзники, а также организаторы и жертвы конфликта).

Говоря о насилии, Йохан Гальтунг выделяет два больших типа политического насилия: прямое и структурное. Прямое насилие имеет четкого адресата и ясные источники насилия. Структурное насилие встроено в систему общества: «Людей не просто убивают с помощью прямого насилия, но также убивают социальный строй»².

Политический конфликт, как и любой другой имеет предконфликтную, конфликтную и постконфликтную фазы. Предконфликтной фазой изучаемого события можно назвать избрание президента Украины Виктора Януковича в 2010 году. В то время как декларируемая цель президента и правящей партии «Партия регионов» (далее ПР) была в интеграции украинского общества в Европу, риторика В. Януковича и ПР была ориентирована на партнерство и союз с Россией, что дало возможность оппозиции в сентябре 2013 года сформулировать четкий план действий и требования к власти. Обострением на данном этапе стало заявление о приостановке процесса подготовки к подписанию Ассоциации Украины и Евросоюза в связи с тем, что данный шаг ведет к дальнейшему «сворачиванию» взаимоотношений с постоянным историческим партнером Украины – Россией.

Началом конфликтной фазы мы обозначаем 21 ноября 2013 года, когда оппозиционные силы призвали людей выйти с протестом на Европейскую площадь, что привело к образованию 24 ноября многотысячного собрания киевлян (беспартийных активистов и оппозиционных партий), разбитию палаточного городка для митингующих и развитию антипрезидентской риторики среди протестующих.

Первым актом насилия являются стычки митингующих и милиции, которые произошли 30 ноября, которые привели к активизации митингующих, формированию «отрядов самообороны», захвату первых административных зданий в г. Киев и попытке захвата администрации президента.

Акты всеобщего насилия привели к обострению «раскола», который существовал из-за отсутствия объединяющего звена и в дальнейшем данный «раскол» перерос в политическое и военное противостояние двух основных акторов конфликта – «Западной Украины» и «Юго-Восточной Украины».

К примеру политического противостояния, можно отнести:

1) обращения и заявления Верховного Совета Автономной Республики Крым о поддержке «правительства Януковича», переломным моментом стало обращение к крымчанам от 11.12.2013 о подготовке к отстаиванию своей автономии и неготовности «терпеть насильственную майданизацию»;

2) захвату не согласным с риторикой оппозиции населением административных зданий в Харьковской, Донецкой и Луганской областях.

² *Haltung J.* The Specific Contribution of Peace Research to the Study of Violence // Violence and its Causes. Paris, UNESCO, 1981

К примерам военного противостояния можно привести:

- 1) объявление антитеррористической операции 19 февраля 2014 года (с 20 февраля 2018 – Операция Объединенных сил);
- 2) проведение специальной военной операции России на территории Украины.

Таким образом, можно отметить, что ослабление рациональных факторов на этапе эскалации насильственных политических конфликтов приводит к тому, что они приобретают форму неуправляемых или трудноуправляемых конфликтов и приводят к не поддающимся прогнозированию результатам. Можно сказать, что вырвавшееся насилие очень сложно вернуть к стадии ненасилия, а мировой опыт показывает, что политические конфликты с применением малого насилия перерождаются в глобальные и кровопролитные столкновения и гражданские войны.

Список литературы:

Что надо знать о «цветных революциях»: учебное пособие / А. Б. Ананченко, М. В. Астахов, Е. В. Бродовская [и др.] ; под общ. ред. А. Б. Ананченко ; Московский педагогический государственный университет. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Московский педагогический государственный университет (МПГУ), 2018. – 168 с.

Здравомыслов А.Г. Социология: теория, история, практика. [Электронный ресурс]/ А.Г. Здравомыслов – Режим доступа: www.isras.ru (дата обращения 04.04.2022).

Haltung J. The Specific Contribution of Peace Research to the Study of Violence // Violence and its Causes. Paris, UNESCO, 1981

Савин С.С., Коротаева Т.А.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ

Savin S.S., Korotaeva T.A.

St Petersburg State University, St Petersburg

POLITICAL FACTORS OF SOCIAL TENSION

Социальная напряженность является одним из наиболее важных индикаторов социального конфликта и в определенных условиях может в него переходить. Кроме того, социальная напряженность сама по себе является негативным фактором общественного развития, свидетельствующая о накопившихся проблемах в деятельности социальных групп. Именно поэтому крайне важно изучать данное явление. Контроль над уровнем социальной напряженности позволит регулировать общественную жизнь, не допуская деструктивных проявлений, возникающих в нем противоречий. Отметим, что социальная напряженность формируется в различных социальных сферах, таких как экономическая, социальная, политическая и т.д. Для нас особую актуальность имеют именно политические факторы социальной напряженности. Сфера политики крайне обширна, она непосредственно затрагивает практически все области нашей жизни и, в том числе, влияет на реализацию потребностей и интересов различных социальных групп. Здесь важно отметить, что, что социальная напряженность большинством авторов понимается как «состояние индивидов и социальных групп, их неудовлетворенность существующим положением, отношение к происходящему и к другим индивидам и группам»¹.

Необходимо выделить ряд политических факторов, которые влияют на появление и развитие социальной напряженности. Одним из таких факторов социальной напряженности называют тип политической системы. Как отмечает Д.И. Анисимов, ссылаясь на труды немецкого социолога Р. Дарендорфа, демократическая система является одной из самых эффективных для предотвращения и качественного разрешения возникающих в обществе противоречий. Существование политических прав и свобод, то есть реальных возможностей у граждан влиять на принимаемые властью решения, выразить свою позицию различными способами, в том числе и протестными дает возможность снижать уровень социальной напряженности². Что также необходимо отметить, именно в демократических системах создаются широкие возможности для развития гражданского общества. Г.В. Баранова и В.А. Фролов пишут, что на латентном уровне социальная напряженность выражается в проявлении конструктивной активности граждан и служит фактором развития общества.³ Примером может являться развитие

¹ Пинкевич А.Г. Возможности изучения социальной напряженности в России на основе данных Европейского социального исследования // Мир России №1. 2015. С.152.

² Анисимов Д. И. Политические факторы социальной напряженности // Научно-практический журнал конфликтология №2. 2015. С. 225.

³ Баранова Г.В., Фролов В.А. Методология и Методика измерения социальной напряженности // Социологические исследования №3. 2012. С. 53..

местного самоуправления, развитие личной инициативы, попытки решить проблемы различными институализированными способами. Безусловно, это становится возможным только при условии наличия реально функционирующих демократических институтов власти. Авторитарный режим в этом плане противоположен демократическому. При авторитаризме реальное участие граждан в осуществлении власти практически невозможно, что безусловно влияет на рост социальной напряженности, которая периодически перерастает в социальные конфликты.

Далее, в качестве еще одного политического фактора социальной напряженности необходимо выделить понятие структурного насилия. Под структурным насилием понимается воздействие определенных властных структур на индивидов, выражаемое в неравном распределении благ и возможностей, в результате которого, жизненные шансы одних социальных групп падают, а других наоборот повышаются. Как отмечает П.И. Куконков, структурное насилие негативно отражается как на физическом, так и на психическом состоянии людей. Неконтролируемый рост структурного насилия может вызывать насилие реальное и переход социальной напряженности в социальный конфликт.⁴

Важнейшим фактором социальной напряженности исследователи видят отношение граждан к политическим институтам, уровень доверия или недоверия к ним. Непосредственно от эффективности деятельности политических институтов зависит уровень жизни населения, от них зависит насколько качественно будут реализовываться различные общественные запросы, поэтому именно по отношению населения к политическим институтам можно фиксировать существующий уровень напряженности. В.О. Рукавишников среди прочих институтов власти выделяет политические партии, как один из важнейших.⁵ Политические партии являются некой связующей между обществом и властью, именно они служат средством выражения политических интересов граждан и преобразованием их в реальную деятельность. Политические партии являются действенным средством предотвращения конфликтов и снижения уровня социальной напряженности. Именно поэтому дисфункция данного института может довольно болезненно отразиться на общественных настроениях. Стоит отметить, что кроме партийной системы безусловно важно качество работы и других институтов власти, таких как: правоохранительные и судебные органы, законодательные органы. Важно и доверие к политическим лидерам, их уровень легитимности, доверие к тем лицам, которые принимают политические решения. Именно отношение граждан к ним будет отражать реальную функциональность властных структур, поэтому крайне важно фиксировать уровень доверия и недоверия к политическим институтам и политикам.

Изучение политических факторов социальной напряженности, проведение эмпирических исследований, направленных на выявление существующего уровня недовольства граждан функционированием политических систем, позволит не допустить деструктивных конфликтов, а также даст возможность прорабатывать шаги по

⁴ Куконков П.И. Социальные напряжения и структурные конфликты в регионах России: некоторые исследовательские вопросы // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки 2004. С. 187.

⁵ Рукавишников В.О., Иванов В.Н., Козлов В.Б. Социальная напряженность: Диагноз и Прогноз // Социологические исследования №3. С. 9.

повышению эффективности работы различных политических институтов. Стоит также отметить необходимость формирования межсекторного сотрудничества государства и общества. Развитие партнерства позволит совершенствовать удовлетворение потребностей населения во всех сферах общественной жизни, тем самым снижая уровень социальной напряженности. Взаимодействие власти и НКО позволит наладить информирование о существующих социальных проблемах, о способах их разрешения и уже предпринятых мерах.

Список литературы:

Анисимов Д. И., Политические факторы социальной напряженности // Научно-практический журнал конфликтология №2. 2015. С. 225.

Баранова Г.В., Фролов В.А., Методология и Методика измерения социальной напряженности // Социологические исследования №3, 2012. С. 53.

Куконков П.И., Социальные напряжения и структурные конфликты в регионах России: некоторые исследовательские вопросы // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2004. С. 187.

Пинкевич А.Г., Возможности изучения социальной напряженности в России на основе данных Европейского социального исследования // Мир России №1, 2015. С.152.

Рукавишников В.О., Иванов В.Н., Козлов В.Б., Социальная напряженность: Диагноз и Прогноз // Социологические исследования №3. 1992. С. 9.

Семенкова Т.А.

Санкт-Петербургский Государственный Университет, Санкт-Петербург

ВОСПРИЯТИЕ КОНФЛИКТА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ ЯПОНИИ

Semenkova T.A.

St Petersburg State University, St Petersburg

PERCEPTION OF CONFLICT IN JAPAN'S POLITICAL CULTURE

Политическая культура Японии является уникальным явлением даже среди восточных региональных цивилизаций. Ее восприимчивый и адаптивный характер позволил построить совершенно новый вид политического образа жизни страны. Формально, все ее структуры и компоненты целиком и полностью скопированы у Запада, а уровень ее развитости не уступает иностранному. На деле же все эти политические культурные элементы слабо прижились в консервативном синтоистско-буддистском обществе и были переварены в соответствии с национальными потребностями и ассимилированными в японском духе.

Описанный на бумаге политический, ценностный, а также культурный плюрализм задвигается на второй план существующими в японском сознании единой ценностной системой и национальными традициями, принимающими в этой стране общинно-корпоративную форму. Особую роль здесь, безусловно, сыграло историческое прошлое Японии, а именно: ее длительная культурная и политическая добровольная изоляция, которая позволила и японцам избрать свой независимый путь развития в уникальных условиях. А буддизм и конфуцианство, органично вписавшиеся в синтоистскую мировоззренческую картину, стали еще одной важной частью для будущего идеологического фундамента политической культуры Японии.

Во многом японская политическая система напоминает большую, четко структурированную японскую семью (общину или клан), списав с них строгую систему подчинения на всех уровнях. На этом же сейчас и основывается система отношений и коммуникаций государства и всех его подданных, в которых глава государства или его элита предстают перед народом в качестве идеального начальника, отца народа или сюзерена, а сама нация является целостным единым организмом, а само государство – семейным предприятием.

Концепция о монолитности японской нации стала практически идеальным оружием в руках политической верхушки Японии, использовавшей эту идею для формирования у народа нужного мнения о военных кампаниях государства за рубежом. А синтоизм, который провозглашает японскую нацию как титульную во всем мире, наделенную «особой моральной энергией» и который проповедует о божественной миссии этого народа, о его долге перед другими, лишь подтверждает это. Настроения шовинистического толка по-прежнему оказывают огромное влияние на довольно-таки большие круги японского общества, что отсылает нас к истории Японии и ее неудачным контактам с цивилизацией Запада. И хоть к внешнеполитическим конфликтам они

относятся как к нормальному явлению, японцы в большой своей степени являются пацифистами, а не агрессивными националистами. В частности, это связано с историческими событиями XX в., когда во время войны в Афганистане японские Морские силы самообороны должны были заправлять топливом американские и английские военные истребители в Индийском океане. Японцам трудно понять и оправдать государство, которое так унижительно отнеслось к своим подданным и легко принесло их в жертву¹ в борьбе за не японские ценности и идеалы. Поэтому современным японским обществом негативно воспринимается любое вмешательство во внешнеполитические конфликты других стран, рейтинги политических лидеров стремительно падают, а недоверие начинает расти. Тем не менее, это не мешает японцам весьма пренебрежительно относиться к представителям других наций и национальностей и отвергать их попытки интегрироваться в их ценностно-культурную систему.

Что же касается о «кухне» политической культуры Японии, то здесь имеется четко выраженное представление о внутренних конфликтах как о негативном явлении, как о зле, разобщающем общество. Для большинства японская политическая культура предстает в облике стабильной и авторитарной системы. И хоть такое представление о ней и является несколько гипертрофированным², все же будет правдой, что неустанно подтверждается действиями самих японцев.

Нынешнее устройство политической культуры Японии легко объясняется спецификой ее социальной структуры. Источник укоренившихся поведенческих политических привычек заложены в культурных нормах японской общины. Одна из этих норм – это поддержание гармонии на всех уровнях социальной иерархии и во всех уровнях общественной жизни. Этот некий принцип гармонии направляет членов общества на сохранение бесконфликтности, на непринятие оппозиции, а также пренебрежение и сдерживание позиций меньшинства. Личностное мнение человека противопоставляется общественными предписаниям и ценностям в пользу последнего, то есть в случае их расхождения индивид не будет иметь права даже высказать свое мнение.³

Можно говорить о том, что такое явление традиционной японской культуры практически лишает легитимности (пусть и неформально) оппозиционность в любом ее виде. Вопреки ожиданиям происходит не формирование доминантной точки зрения большинства, а лишь усиление и уплотнение коллективизма, снижение уровня индивидуализма, повышение уровня согласия. Эти черты японской нации позволяют их лидерам формировать удобные себе «общественные предписания», которые можно транслировать через формальные или неформальных политические институты.

Низкий уровень конфликтности во внутренней политической среде Японии можно также объяснить и тем, что японцы с каждым годом становятся все более аполитичны, а количество пассивного электората растет. Во многом здесь оказали свое влияние политические традиции прошлого. А именно, особая система японского коллективизма, основанного на представлении о связи верховного правителя (императора, власти в целом)

¹ Иногути Т. Политическая культура Японии (перевод с японского Л.Б. Кареловой и С. В. Чугрова) // Ежегодник Японии. М., 2017. С. 76-96. Политическая культура Японии

² Иногути Т. Политическая культура Японии (перевод с японского Л.Б. Кареловой и С. В. Чугрова) // Ежегодник Японии. М., 2017. С. 76-96. Политическая культура Японии

³ Фирусов А.И. Япония в конце XX века: экономика, социология, управление. М., 2002. 96 с.

с божествами. Следственно, решения, принимаемые государством, не должны оспариваться также, как и решения самого бога или отца; а подданные должны чувствовать благодарность и самоотверженно служить.

Хотя этот укоренившийся феодальный тип политического поведения у японцев может показаться неактуальным на сегодняшний день, в нынешней политической культуре Японии пассивность политического участия, консерватизм и традиционализм лишь укрепляют свои позиции⁴. Лояльность к власти, даже некое раболепие, почтение, воспитанное не в одном поколении народа, является отличительной особенностью политической культуры Японии, что оказывает непосредственное влияние на то, как ей воспринимается конфликт.

Список литературы:

Загорский А.В. Политическая культура современной Японии // Политическая культура: теория и национальные модели. М., 1994. С. 274-290.

Иногути Т. Политическая культура Японии (перевод с японского Л.Б. Кареловой и С. В. Чугрова) // Ежегодник Японии. М., 2017. С. 76-96.

Фирусов А.И. Япония в конце XX века: экономика, социология, управление. М., 2002. 96 с.

⁴ Загорский А.В. Политическая культура современной Японии // Политическая культура: теория и национальные модели. М., 1994. С. 274-290

Супонин В. В.,

Санкт-Петербургский Гуманитарный Университет Профсоюзов, Санкт-Петербург

***МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ СПОРЫ,
РАЗРЕШАЕМЫЕ В МЕЖДУНАРОДНОМ СУДЕ ООН***

Suponin V. V.,

St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions, St Petersburg

***INTERSTATE TERRITORIAL DISPUTES RESOLVED IN THE UN INTERNATIONAL
COURT***

Территория, будучи объектом спора, имеет огромное значение для государства, что наводит на мысль об особом влиянии этой категории споров на международную безопасность. Своевременное и справедливое разрешение межгосударственного территориального спора означает предотвращение будущего конфликта между спорящими государствами. Неслучайно именно Международный Суд ООН (далее – Суд), будучи самой авторитетной международной судебной инстанцией, специализируется на рассмотрении территориальных споров между государствами и имеет богатую судебную практику, связанную с их разрешением. Кроме того, более половины дел, рассматриваемых Судом, касаются территориальных и пограничных споров между государствами.

В качестве понятия территориального спора видится целесообразным воспользоваться термином, предложенным Б.М. Клименко. По мнению исследователя, территориальный спор представляет собой существование уже сформировавшихся разногласий в отношении определения и применения нормы о границе или вопроса о суверенитете над определенной территорией. Территориальный спор отсутствует как таковой в случае неопределенности и изменчивости позиций сторон, а также разного понимания сторонами объекта и предмета спора¹.

При изучении территориальных споров, следует упомянуть пограничные споры. Территориальные и пограничные споры не являются тождественными понятиями, однако обладают некоторыми сходствами. В случае с пограничными спорами предметом выступает сухопутная или морская граница между государствами, ее делимитация и определение пограничного режима². Зачастую и территориальный, и пограничный споры встречаются в совокупности в одном споре. Так для одной стороны спор может быть территориальным, так как касается установления ее суверенитета в пределах определенного пространства, а для другой стороны, этим пространством владеющей, спор носит пограничный характер и касается вопроса установления и признания ее границ другой стороной спора.

¹ Клименко Б. М. Мирное решение территориальных споров. М.: Международные отношения, 1982. – С.20.

² Кривокапич Б. Д. Мирное разрешение международных споров : монография / Б. Д. Кривокапич; отв. ред. А. Г. Безверхов, науч. ред. А. В. Юдин; пер. с сербского В. Симоновой. – Самара: Изд-во Самарского университета, 2020. – С. 69.

Примером территориально-пограничного спора является спор о делимитации морских пространств в Черном море между Румынией и Украиной. Спор касался разграничения континентальных шельфов и исключительных экономических зон обеих стран в Черном море. Дискуссия развернулась главным образом вокруг острова Змеиный и его юридического статуса, от которого зависел выбор методологического подхода к делимитации морских территорий. При признании Судом статуса Змеиного острова, средняя линия проводилась бы между ним и берегом Румынии, что сделало бы исключительную экономическую зону Украины существенно больше, практически в 5 раз больше румынской. Румыния настаивала на том, что Змеиный является скалой, а не островом, и, следовательно, не имеет никакого влияния на возможное расширение исключительной экономической зоны Украины. В решении от 3 февраля 2009 г. Суд встал на сторону Румынии, отметив, что «берег о. Змеиный настолько мал по длине, что фактически не влияет на общую протяженность побережий сторон». По мнению Суда, о. Змеиный является посторонним элементом в украинской береговой линии, а значит считать его частью побережья нельзя. Установление на о. Змеиный каких-либо исходных точек для построения временной равноудаленной линии между Румынией и Украиной Суд считает неприемлемым³. Подобный подход свидетельствует о крайне гибкой методологии Суда, которая направлена на достижение справедливости и оптимальное решение спора между сторонами. Стоит отметить, что Суду удалось урегулировать многолетние разногласия между Румынией и Украиной, тем самым укрепив доброжелательные отношения двух стран.

Другим примером благоприятного влияния Суда на отношения спорящих государств является серия территориальных и пограничных споров между Никарагуа и Коста-Рикой, начавшаяся еще в XX в. Споры в разное время касались множества вопросов: делимитации; суверенитета и юрисдикций, пределов осуществления международных прав; правового режима границ и его нарушения.

В 2017 г. Никарагуа развернула военный лагерь на спорной территории, формально принадлежавшей Коста-Рике, отказав последней в требованиях свернуть его. В обосновании своих действий Никарагуа обозначила свои претензии на суверенитет на прилегающую к военной базе территорию. Коста-Рика обратилась в Суд, потребовав определить сухопутную границу, разделяющую район Лос Портильос и Харбор Хёд, а также признать факт нарушения суверенитета и территориальной целостности Коста-Рики размещением военного лагеря на берегу Исла Портильос⁴.

Разбирая данное дело, Суд обратился к своему решению от 2015 г., посвященному предыдущему спору Никарагуа и Коста-Рики, где он определил правовой режим оспариваемой территории. Однако, признав, что конфигурация оспариваемого побережья была определена недостаточно, Суд указал на отсутствие оснований для признания факта нарушения со стороны Никарагуа в виде размещения военных баз. Для определения точного расположения границ Судом был назначен ряд экспертиз, по результатам

³ Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного Суда, 2008–2012 годы / ООН, Междунар. суд. – Нью-Йорк : ООН, 2014. – С. 81

⁴ Доклад Международного Суда ООН. 1 августа 2016 года - 31 июля 2017 года/Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Семьдесят вторая сессия. Дополнение №4. [электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.icj-cij.org/files/annual-reports/2016-2017-ru.pdf>. - С.48-50, свободный. Дата обращения: 10.04.2022.

которых было установлено, что Коста-Рика имеет суверенитет над всей территории Исла Портильос вплоть до того места, где река достигает Карибского моря. Руководствуясь данным фактом, Суд в 2018 г. удовлетворил требования Коста-Рики и обязал Никарагуа свернуть свою военную базу с ее территории⁵. Таким образом, Суд не только разрешил серию противоречий между двумя странами, но поспособствовал демилитаризации спорной территории, не допустив обострения отношений между Никарагуа и Коста-Рикой.

На примере описанных выше двух межгосударственных споров можно заметить, что обладая гибкой методологией, а также широким спектром полномочий для разрешения спора, Международный Суд ООН действует, в первую очередь, в целях окончательного и справедливого урегулирования разногласий. Обладая богатой практикой и общепризнанным авторитетом, Суд является незаменимым элементом механизма разрешения международных споров, аналогом которого не может на данный момент стать ни одно другое международное судебное учреждение.

Список литературы:

Гараев М. И. Международные пограничные споры в практике Международного суда ООН : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.10 / Гараев М. И. – Казань, 2019. – 263с.

Доклад Международного Суда ООН. 1 августа 2016 года - 31 июля 2017 года/Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Семьдесят вторая сессия. Дополнение №4 [электронный ресурс] Сайт Международного Суда ООН. - Режим доступа: <https://www.icj-cij.org/files/annual-reports/2016-2017-ru.pdf>, свободный (дата обращения: 10.04.2022).

Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного Суда, 2008–2012 годы / ООН, Междунар. суд. – Нью-Йорк : ООН, 2014. – VIII, 406 с.

Мирное разрешение международных споров: монография / Б. Д. Кривокапич; отв. ред. А. Г. Безверхов, науч. ред. А.В. Юдин; пер. с сербского В. Симоновой. – Самара: Изд-во Самарского университета, 2020. – 592 с.

Мирное решение территориальных споров / Клименко Б.М. - М.: Междунар. отношения, 1982. - 184 с.

⁵ Гараев М. И. Международные пограничные споры в практике Международного суда ООН : дис. ... кан. юрид. Наук. - Казань, 2019. – С. 205.

Сычев Д. В.

Военная академия материально-технического обеспечения им. генерала армии А. В. Хрулёва, Санкт-Петербург

ОСОБЕННОСТИ РАЗРЕШЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

Sychev D. V.

Military Academy of Logistics, St Petersburg,

FEATURES OF RESOLUTION IN MODERN MILITARY CONFLICTS

На протяжении всей истории человечества практически каждая из стран сталкивалась с необходимостью разрешения военных конфликтов. Однако первоначально военные столкновения носили преимущественно открытый характер. Стратегия противоборствующих сторон, отстаивающих свои политические и территориальные интересы, сводилась к тому, чтобы за счет количества личного состава, качества подготовки своего войска победить противника. В том случае, когда силой решить проблемы не получалось, стороны прибегали к переговорам, где и решали на каких условиях они сделают паузу или закончат военный конфликт. Примером является Вестфальский мир, в 1648 году положивший конец тридцатилетней войне, раздиравшей Европу в первой половине XVII века.

Но по прошествии времени, когда общество перешло к индустриальному, а в последующем и к постиндустриальному типам развития, ведение боевых действий, равно как и разрешение военных конфликтов стали приобретать более сложный характер. Во второй половине XX века создание ядерного, новых видов биологического и химического оружия позволило сверхдержавам проводить «политику сдерживания», уходя от прямого столкновения. Опасение начала третьей мировой войны обязывало искать мирное решение возникающих конфликтов.

Однако с окончанием периода «холодной войны» предотвращение военных конфликтов перестало быть первостепенной задачей: наряду с технологиями, направленными на их искоренение, широкое развитие получили способы эскалации напряженности между противоборствующими сторонами. Среди таких технологий конфликтологи выделяют «рутинизацию» конфликта, связанную «с целенаправленной поддержкой напряженности между сторонами с целью использования данных противоречий в собственных интересах каким-либо субъектом»¹.

Как отмечают специалисты по международным отношениям, еще одним фактором, затрудняющим урегулирование, стало расширение спектра потенциальных участников вооруженного конфликта. «Помимо государств (в случаях внутренних вооруженных конфликтов – официальных властей страны) сторонами вооруженного конфликта становятся различные умеренные (в том числе – условно умеренные) оппозиционные

¹ Панова Е.А. Технологии моделирования и нейтрализации политических конфликтов в современном дискурсе // Власть, 2021, №2. С. 157.

группировки, а также структуры интернационального терроризма»². По различным причинам не у всех стран есть возможность самостоятельно урегулировать ситуацию с возникновением у них террористических группировок. Такая вовремя нерешенная проблема в дальнейшем может выйти за пределы того или иного государства, распространиться в другие страны, и со временем приобрести мировой масштаб. Для предотвращения этих последствий иногда необходимо вмешательство международных организаций или других внешних акторов.

«В ряде случаев – в частности, когда речь идет о внутренних конфликтах, – примирение сторон – участниц организованного насилия практически невозможно без внешнего посредничества, а иногда – без ограниченного применения военной силы для давления на одну из конфликтующих сторон»³. Так, без силового вмешательства третьих сторон не обошлись попытки решения недавних ближневосточных конфликтов. В феврале 2015 года коалиционные силы арабских государств под руководством Саудовской Аравии приняли участие в конфликте в Йемене. А в сентябре 2015 года Совет Федерации РФ в ответ на просьбу президента Сирии дал согласие на использование российских Вооруженных сил для борьбы с терроризмом в Сирии.

Таким образом, принудительное разрешение конфликта с применением силы не исключается в тех случаях, когда необходимо погасить очаги насилия, возникшие в результате действий непримиримых оппозиционных группировок и террористических банд.

Список литературы:

Золотарёв В.А., Трунов В.О. Особенности урегулирования вооруженных конфликтов в современном мире // Актуальные проблемы Европы, 2018, №4. С.17-28.

Панова Е.А. Технологии моделирования и нейтрализации политических конфликтов в современном дискурсе // Власть, 2021, №2. С. 155-160.

² Золотарёв В.А., Трунов В.О. Особенности урегулирования вооруженных конфликтов в современном мире // Актуальные проблемы Европы, 2018, №4. С. 26.

³ Там же, с. 27.

Темергалиева К.Ю., Чурикова Е.А.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

***ТЕРАКТЫ В ПЕРВОЙ ЧЕЧЕНСКОЙ ВОЙНЕ
КАК ПРОЯВЛЕНИЕ НАСИЛИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ КОНФЛИКТЕ***

Temergalieva K., Churikova E.

St Petersburg State University, St Petersburg

***TERRORIST ATTACKS IN THE FIRST CHECHEN WAR AS A MANIFESTATION OF
VIOLENCE IN A POLITICAL CONFLICT***

Проблема насилия в политическом конфликте достаточно актуальна по сей день, несмотря на увеличение значения таких ценностей как гуманность и толерантность. Вопросы соотношения понятий «конфликта» и «насилия», понимания их взаимосвязи нашли отражение в работе Д.А. Абгаджавы и Н.В. Петровой, которые утверждали, что данные понятия не идентичны, вопреки распространенному мнению, что «конфликт» и «насилие» взаимозаменяемые термины. Вследствие того, что конфликт воспринимается как нечто, включающее в себя негативное взаимодействие, так как конфликт связан с желанием удовлетворить интерес, противоречащий другой стороне, в нем действительно прослеживаются элементы насилия. В связи с этим, важно подчеркнуть существенное различие насилия и конфликта: для насилия деструкция является целью, в то время как конфликт - инструмент достижения целей, не являющихся деструктивными по определению. Таким образом, понятия «конфликт» и «насилие» не взаимозаменяемые, но и не взаимоисключающие. Подобную мысль указали в работе Д.А. Абгаджавы и Н.В. Петрова: «нет конфликта без насилия, нет насилия без конфликта»¹. Исходя из такой идеи, нас заинтересовал вопрос о том, может ли насилие, применяемое в политическом конфликте, будучи деструктивным по своим целям, привести к диалогу, последствия которого были конструктивны для всех сторон конфликта.

Как мы уже указали, уровень насилия в современных политических конфликтах не снизился. Более того, появились более опасные формы проявления насилия – терроризм. В российское общество терроризм также проник и распространялся, например, в Чеченских войнах. Мы решили изучить данную тему на примере терактов в Первой Чеченской войне.

Трагедией лета 1995 года стал теракт в Буденновске. Чеченские боевики захватили больницу в Ставропольском крае. В результате более 300 человек получили ранения и погибло 130 человек, из которых большая часть – мирные жители. После захвата больницы, Шамиль Басаев, возглавляющий данный теракт, отпустил нескольких заложников с политическими требованиями, такими как: выдача журналистов, вывод российских войск из Чечни, провозглашение независимости Чечни и начало ведения переговоров. Заложников Басаев обязал вернуться, обещая в противном случае

¹ Абгаджавы Д. А., Петрова Н. В. Насилие и конфликт в межкультурном взаимодействии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2018. Т. 34. Вып.3. С. 402–413.

расстреливать остальных пленников. Стоит отметить, что угроза расстрелом у Басаева была основной формой давления на российскую сторону. По итогу российскими силами было принято решение о штурме больницы. Поэтому Басаев отпустил некоторую часть заложников. На следующий день к делу подключился премьер-министр Виктор Черномырдин. Он договорился с Басаевым об условиях освобождения заложников. В Чечне начиналось перемирие с переговорами и выдача автобусов боевикам до Чечни. В ходе последующих переговоров был введен мораторий на боевые действия на неопределенный срок, а также исполнена договоренность о разоружении войск Чеченской Республики Ичкерия, выводе российских войск из Чечни и проведении свободных выборов. Эти последствия можно было бы назвать конструктивными и ответить на вышепоставленный вопрос утвердительно, однако события лета 1995 года дали понять террористам, что насилие – это эффективный способ заявить о своих политических требованиях и, возможно, добиться их выполнения. Это и привело к теракту 1996 года в Кизляре, в котором участвовали те боевики, которые организовали захват буденновской больницы.

Изначально целью отряда под командованием Салмана Радуева был захват военного аэродрома в дагестанском Кизляре, но, когда на нем обнаружилось только два неисправных вертолета, Хункарпаша Исрапилов, участвующий и в налете на Буденновск, нашел другой выход. Террористы захватили местную больницу и родильный дом. Радуев и Исрапилов требовали переговоров, а также коридора для их безопасного возвращения в Чечню. Им удалось удовлетворить это требование после переговоров с правительством Дагестана. Когда террористы вместе с их заложниками были около границы, их остановили предупредительным огнем, так как те не освободили пленных на границе, как планировалось. Тогда боевики отступили в Первомайское, где, прикрываясь заложниками, разоружили блокпост МВД. 9 февраля же ГосДума постановила амнистировать тех, кто участвовал в теракте в Кизляре при условии освобождения заложников. Эти события заставляют нас еще раз задуматься о том, возможно ли прийти к миру через насилие. Согласие на переговоры, произошедшие после теракта в Буденновске, было дано под влиянием угрозы смерти пленников, что укрепило в боевиках уверенность: насилием можно добиться своих целей. Случай же в Кизляре показывает, что это лишь ведет к повторению насильственных действий.

В этой связи стоит упомянуть теорию насилия Й. В. Галтунга – основателя изучения дисциплины мира и конфликтов. Он ввел понятие «треугольник насилия», который включает в себе «видимую часть» (прямое насилие) и «невидимую часть», содержащую структурное и культурное насилие. К видимой части могут относиться убийства, задержание (что мы и можем здесь наблюдать) и другие проявления жестокости, а невидимая (конкретно культурное насилие) ведет к тому, что насилие признается оправданным. Из-за этого и возникает мысль о том, что насилие допустимо, если ведет к достижению благих целей. Но может ли оно к этому привести?

Галтунг считает, что сами мысли о полезности насилия только порождают культуру насилия. При этом люди, использующие его для того, чтобы изменить свое положение, зачастую либо используют этот метод еще раз, если он покажется им эффективным, либо сталкиваются с контрнасилием (например, обстрел колонны

боевиков). Так мы можем убедиться, что насилие лишь порождает насилие и почти никогда не способствует конструктивному диалогу.

Список литературы:

Абгаджав Д. А., Петрова Н. В. Насилие и конфликт в межкультурном взаимодействии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2018. Т. 34. Вып.3. С. 402–413.

Норин Е. А. Чеченская война. Том 1. 1994-1996.

Федотова Н. Н. Конфликты, идентичность и диалог // Знание. Понимание. Умение. 2011. Вып. 3. С. 27-33.

Galtung J. Violence, Peace and Peace Research // Journal of Peace Research. 1969. Vol. 6, no. 3. P. 167–191.

Турков Л.А.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УПРАВЛЕНИЯ ГОРОДСКИМИ КОНФЛИКТАМИ

Turkov L.A.

St Petersburg State University, St Petersburg

POLITICAL ASPECTS OF URBAN CONFLICT MANAGEMENT

Политическая составляющая в контексте городских конфликтов играет значимую роль в силу того, что эти конфликты зачастую происходят по вопросам управления городом. Соответственно, для эффективного завершения конфликта требуется грамотное управление с учётом политических аспектов городского конфликта.

Основных участников городского конфликта можно разделить на три больших группы: горожане, бизнес-структуры и городские власти. Стоит отметить, что такое деление весьма условно и предварительно, в силу сложности локализации участников городских конфликтов. Горожане же, как некий разнородный элемент этой схемы, представляют из себя скорее квазигруппу, участники которой могут выступать против друг друга при определённых обстоятельствах и занимать противоположные позиции. Городские власти обладают большими возможностями по урегулированию городских конфликтов, т.к. обладают большими возможностями в установлении порядка. Они же могут и выступать в качестве регулятора отношений в ходе городских конфликтов, но в определённой степени находятся в некоторой зависимости от бизнес-структур, создающих отчасти инфраструктуру города и рабочие места, и горожан, которые имеют большую возможность отказаться в будущем от переизбрания властей города.

Исходя из этого можно выделить два основных подхода к урегулированию таких конфликтов: горизонтальный и вертикальный¹.

Суть горизонтального метода заключается в привлечении всех заинтересованных сторон к участию в обсуждении конфликта. Власти стремятся создавать пространства для обсуждения, где участники могут представлять свои мнения, причины, взгляды и возможные способы для разрешения конфликта. Таким образом стороны получают возможность ознакомиться с фактами, мнениями и предложениями, о которых могли не подозревать, а городские власти занимают ведущее положение, получают доступ к большому объёму информации и благодаря этому способны принять решение, удовлетворяющее большее количество участников. Определённая коллективность принятия решений также позволяет властями впоследствии указывать на участие сторон в принятии решения и в определённой степени перекладывать часть ответственности за принятые решения на горожан или бизнес-структуры, если, конечно, они действительно обладали возможностью влияния на окончательное принятие решения.

¹ Глухова А.В., Кольба А. И., Соколов А. В. Политико-институциональные и коммуникативные аспекты взаимодействия субъектов городских конфликтов (по материалам экспертного опроса) // Человек. Сообщество. Управление. Том 18, №4, 2017. С. 44-65.

Вертикальный метод управления подразумевает закрытость каналов, по которым происходит информационный обмен, необходимый для принятия решений. Обсуждения властей ведутся с напрямую с представителями бизнес-структур, региональных или федеральных властей, в редких случаях с представителями НКО или муниципальных властей. Таким образом, возможности для участие различных секторов горожан в принятии решений значительно сокращаются, но в стрессовых ситуациях, когда решение необходимо принять как можно быстрее, такой метод может быть вполне эффективным.

В ходе практической деятельности горизонтальный и вертикальные методы управления городскими конфликтам в чистом своём проявлении практически не встречаются. В большинстве случаев они представляются в смешанном виде, но в зависимости от стиля управления городом тяготеют к одному из них в большей или меньшей степени.

Ещё одним важным политическим аспектом в ходе городских конфликтов является их визуализация. В данном случае речь идёт о представлении конфликта в глазах общественности в первую очередь. При помощи различных фото и видео материалов участники могут привлекать к себе новых сторонников, увеличивая тем самым свой ресурсный потенциал.² При этом именно визуализация тех или иных проблем, например, огромных заторов транспортного движения, демонстрация кадров участия населения в протестных акциях, комментарии публичных лес, фото планов застроек и проектов, побуждают людей высказать своё мнение той или иной стороны. Это в свою очередь является одним из источников информации, которыми руководствуются городские власти при принятии решения. Одной из наиболее интересных форм такой визуализации являются реально-существующие объекты (строения, памятники и т.д.), которые после завершения конфликта могут оставаться как некий символ победы одной или другой стороны в сознании народных масс.

Таким образом, при управлении городскими конфликтами необходимо учитывать следующие политические аспекты: формы взаимодействия городских властей с участниками городских конфликтов и формы получения от них информации (горизонтальный или вертикальный способы), а также визуализация конфликта и его представлении в общественном сознании.

Список литературы:

Глухова А.В., Кольба А. И., Соколов А. В. Политико-институциональные и коммуникативные аспекты взаимодействия субъектов городских конфликтов (по материалам экспертного опроса)» // Человек. Сообщество. Управление. Том 18, №4, 2017. С. 44-65.

Кольба А. И., Сазантович А. Б. Визуализация как элемент политического управления городским конфликтом // Среднерусский вестник общественных наук. Том 13, №6, 2018. С. 111-127.

² *Кольба А. И., Сазантович А. Б.* Визуализация как элемент политического управления городским конфликтом // Среднерусский вестник общественных наук. Том 13, №6, 2018. С. 111-127.

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНФЛИКТОЛОГИЯ:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА.
ДИАЛОГ КАК СПОСОБ ПОДДЕРЖАНИЯ МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ**

Тезисы ежегодной студенческой научно-практической конференции

Санкт-Петербург
14 апреля 2022 года